Купцова И.В.

Трансформация образов стран в сознании художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны.

Первая мировая война оказала огромное влияние на изменение общественной психологии, морали, ценностей различных социальных групп, в том числе, на процесс восприятия стран и культур.

В. Л. Черноперов предложил выявляемые образы/представления стран, народов и власти размещать по мере удаления от центра/середины (от «Я-автора») в круги «Свой», «Другой», «Чужой», «Враг»[1]. Данная градация характерна, в первую очередь, для мирного времени. Категории «Свой», «Другой» и «Чужой» отличаются эмоциональной коннотацией: «Свой» - эмоционально-позитивной, «Другой» - эмоционально-нейтральной, а «Чужой» – эмоционально-негативной.

В военное время градация упрощается, сводится к противопоставлению «Свой» - «Враг». «Другой» и «Чужой» в такой схеме должны перейти в разряд одного полюса или другого. «Свой» становится синонимом союзника. Переход в категорию «Свой» был более простым для «Другого», чем для «Чужого». Также и переход в категорию «Враг» был проще для «Чужого», чем для «Другого».

Трансформация образов имела свои особенности в восприятии разных социальных групп. Восприятие образа стран представителями художественной интеллигенции определялось спецификой творческой деятельности, психологии, особенностями развития художественной культуры Серебряного века, одной из важных характеристик которой был диалог культур, в первую очередь, с западноевропейской. Восприятие стран шло во многом через призму этого культурного диалога. Рассмотрим варианты трансформации образа стран.

---

[1] Черноперов В.Л. Горизонты и границы «графического подхода» при изучении образов стран, народов, власти (к постановке вопроса) // http://rosmir.iriran.ru/archival.php?id=61 (дата обращения 15.01.2017).

Примером трансформации образа «Другой» в образ «Враг» может быть Германия. До войны художественная интеллигенция рассматривала немецкую культуру как культуру - учителя, поэтому образ Германии можно идентифицировать как «Другой». Основная проблема в годы войны состояла в том, как соединить этот старый образ с новым образом врага. О сложности этого процесса писали сами деятели литературы и искусства. Л.Н. Андреев отмечал: «Мне кажется смешной сама мысль о том, чтобы когда-нибудь мы отреклись от даров немецкого гения, разлюбили Шиллера, перестали читать Канта и Шопенгауэра, забыли Лассаля и Маркса... Дары германского гения уже давно поглощены нами, вошли в нашу кровь и плоть, организовались, стали нашей наследственностью»[2]. М.А. Кузмин указывал: «В настоящую минуту, говоря «немец», говоришь «пруссак». Нельзя забывать Лютера, Гете, Моцарта, но думаешь об императоре Вильгельме, Вагнере, войне»[3].

Начавшаяся в первые месяцы войны борьба с «немецким засильем» не обошла и художественную интеллигенцию: остракизму подверглись произведения немецких и австрийских авторов, а также их исполнители. Например, в Большом театре и в частной опере С.И. Зимина были отменены постановки опер Вагнера[4], а из театров были уволены иностранные подданные. Участие деятелей литературы и искусства в «антинемецкой кампании» происходило скорее на эмоциональном уровне и вступало в противоречие с уважением к немецкой культуре и ее творцам. Среди стратегий снятия этого противоречия можно отметить следующие.

Первая стратегия - совмещение категорий «Другой» и «Враг». Это представлялось возможным через разведение понятий «немецкая культура» и «немецкое государство», то есть «Врагом» считалась не немецкая культура, а Германия. Можно отметить однозначность в оценке Германии как виновницы развязывания войны, и признание миссии России – остановить ее претензии на мировое господство. В статье «Мира не будет» Ф. Сологуб

---

[2] Утро России. 1914. 4 нояб. № 271.
[3] Синий журнал. 1914. № 31. С. 12-13.
[4] Голос Москвы. 1914. 9 авг. № 182.

отмечал: «Мы начали период решающих битв за наше самоутверждение. Мы роковым образом поставлены в необходимость не только победить, но и раздавить Германию, потому что без этого нам не жить»[5].

Общим было осуждение насилия и вандализма немецких войск. 29 сентября 1914 г. в газете «Утро России» было опубликовано коллективное воззвание «По поводу войны. От писателей, художников, артистов», посвященное осуждению жестокостей и вандализма германцев ради «несбыточной надежды владычествовать в мире насилием, возлагая на весы мирового правосудия только меч»[6]. Среди подписавших воззвание были: И.А. Бунин, Ю.К. Балтрушайтис, А.М. Горький, И.С. Шмелев, В.М. Васнецов, К.А. Коровин, С.Т. Коненков и другие, всего 260 человек.

Другой вариант совмещения «Другого» и «Врага» состоял в разграничении немецкой классической культуры и современной немецкой культуры. «Врагом» признавалась только современная культура, которая способствовала формированию современной политики Германии. Л.Н. Андреев призывал «подвергнуть немецкую культуру серьезной, основательной, вдумчивой и честной проверке и без дальнейших колебаний отделить пшеницу от плевел»[7].

Вторая стратегия состояла в переводе немецкой культуры из категории «Другой» в категорию «Враг» через понимание войны как противостояние славянской и тевтонской культур.

З.Н. Гиппиус в статье «Так надо - так будет», опубликованной в газете «День» 8 августа 1914 г, главного виновника войны видела в конфликте двух культур, внутренней и внешней, духовной и механической. В Германии механическая культура развивалась быстрее, чем духовная, что привело к превращению нации в бесконтрольную человеческому разуму машину. Следствием этого стали процессы механизации, атомизации и дегуманизации, что сделало войну неизбежной. Спасти Германию и Европу

---

[5] Сологуб Ф. Мира не будет // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. 30 окт. № 14464.
[6] Утро России. 1914. 29 сент. № 235.
[7] Утро России. 1914. 4 нояб. № 271.

может только Россия, где духовная культура более развита, чем механическая.

Вяч. Иванов делил культуры на зрелые и незрелые. К первым он относил культуру немецкую, ко вторым - русскую. Первым свойственна повышенная оценка «своего» и принцип ненационализма (усвоение только общего), вторым - стыд за «свое», перенимание чужого и стремление к верхушкам знания. Русская культура, по его мнению, незрелая, в то время как Германия обладает культурой законченной и зрелой[8]. Последняя уже выполнила свою историческую роль, на ее смену должна прийти молодая культура.

Ф. Сологуб пытался рассмотреть причины войны через традиционное противостояние Восток - Запад в проекции Россия - Германия. По его мнению, мир разделен на Восток и Запад (категории не географические, а метафизические). Восток выступает за духовность, мистицизм, религиозное чувство вместе с Христом и Буддой, Конфуцием и Платоном, Запад - за материализм, культ вещей вместе с Антихристом[9]. В мировой войне эти две силы встретились, дух против материи, человек против машины. Так как, по мнению Ф.К. Сологуба, символом Востока является Россия, а Запада - Германия, то именно на Восточном фронте решаются судьбы мира.

Третья стратегия - отказ признавать немецкую культуру как «Врага». Этот подход исходил из признания культуры неразделимой, так как она – достояние всего человечества. Д.С. Мережковский отрицал войну как столкновение культур. Он высоко оценивал достижения германской культуры, считая, что в самой Германии идет война с культурой милитаризма. Существо культуры сверхнационально, поэтому главным врагом ее является национализм. Он подверг критике как немецкий национализм, так и русский в лице старого и нового славянофильства[10].

---

[8] Утро России. 1915. 16 янв. № 16.
[9] Сологуб Ф.К. Выбор ориентации // Отечество. 1914. № 6. С. 104.
[10] Мережковский Д.С. О религиозной лжи национализма // Мережковский Д.С. Было и будет. Невоенный дневник 1914-1916. М., 2001. С. 379.

Таким образом, в сознании российской художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны происходил мучительный процесс переосмысления образа Германии. Необходимость примирить себя с происходящим приводила к попыткам разделения «немца в каске» и «немца – философа», противопоставлению немецкой и русской культур, ревизии немецкой культуры. В целом этот процесс оказался неудачным. Внешнее признание образа врага находилось в противоречии с сознанием ценности немецкой культуры. Е.Ю. Кузьмина – Караваева справедливо отмечала: «хотя поход на Кенигсберг – есть военная операция, вести в то же время поход на философский Кенигсберг кажется излишней тратой сил»[11].

Другой вариант трансформации – образа «Чужой» в образ «Свой». Из всех европейских культур, культурный диалог с английской культурой в предвоенный период был наименее интенсивным, поэтому можно идентифицировать образ Англии как «Чужой». В годы Первой мировой войны, статус Великобритании как союзника способствовал трансформации образа этой страны в «Свой». А.Б. Давидсон отмечал рост взаимных англо-русских симпатий в годы мировой войны[12]. С.С. Колотовкина указывала, что 1914-1918 гг. - период изменения стереотипных представлений этих народов друг о друге, время активного взаимодействия Англии и России практически во всех сферах деятельности - политической, военной, экономической, культурной[13].

Образ Англии в сознании российской художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны был неоднозначным, в нем присутствовали элементы и англофобии, и англофильства. Последнее получило большее распространение. В процессе трансформации образа важную роль сыграли следующие идеи.

---

[11] Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 2176. Оп. 1. Е.х. 19. Л. 29.

[12] Давидсон А.Б. Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 54-55.

[13] Колотовкина С.С. Англо-российские общественные связи в годы Первой мировой войны (1914 - февраль 1917 г.): дис. …канд. ист. наук. М., 2001. С. 3.

Во-первых, обоснование важности и полезности союза с Англией. Вяч. Иванов в статье «Россия, Англия и Азия» отмечал, что «сближение наше с Англией – задача культурная не в меньшей мере, чем задача государственная»[14]. С Англией Вяч. Иванов связывал не только настоящее, но и послевоенное будущее, общее назначение. Союз представлялся взаимовыгодным: активизация торговых связей, прекращение зависимости от немецкого капитала. Для Англии плодотворным виделся «обмен культурной энергией»[15], для России – в сфере низшей интеллектуальности, общественной дисциплины и общественной психологии. Влияние английской общественности должно было стать для России «школой политического самовоспитания, импульсом и регулятивом в строительстве свободы»[16]. Писатель обращал особое внимание на конечное назначение союза – «свободное воссоединение древней азиатской души с действующей на всемирно-историческом поприще душою грядущего христианского человечества, исправление пути к обращению Азии в христианство»[17].

К теме важности и полезности союза России и Англии Вяч. Иванов обратился в докладе «Байронизм как событие в жизни русского духа», который был сделан на заседании Общества Английского флага 20 февраля (4 марта) 1916 г. В докладе он подчеркивал значимость английской культуры. Англию он признавал общей наставницей народов в науке свободы, она «дала Западу начала гражданского устройства, славяне почерпнули в недрах английского духа общественное откровение о личности. Этим откровением был байронизм»[18]. Байронизм для славянства «был огненным раскрепощением духа, первою встречавшеюся в сердце, как раскаленная печать, вестью об извечном праве и власти человеческой личности на

---

[14] Иванов Вяч. Россия, Англия и Азия // Родное и Вселенское. М.: Издательство «Республика», 1994. С. 377.
[15]Там же. С. 379.
[16]Там же. С. 379.
[17]Там же. С. 380.
[18] Иванов Вяч. Байронизм как событие в жизни русского духа // Родное и Вселенское. М.: Издательство «Республика», 1994. С. 269.

свободное самоопределение перед людьми и Божеством»[19]. Байрон, по мнению Вяч. Иванова, утверждал свободолюбие через достоинство человека, представлял свободу как проблему, достойную бытия[20].

О взаимной заинтересованности писал Ф. Сологуб: «Как для нас Англия нужна как совершеннейшее выражение Запада, так и для Англии Россия интересна и значительна как ближайшая держава Востока»[21].

А.Н. Толстой отмечал благотворность союза России и Англии: «Мы своевольны и кипучи, англичане скованы и покойны за будущее. Каждое из этих свойств и достойно, и таит в себе начало гибели. Англичанам грозит окаменелость, нам – пожар, летучий пепел. Вот почему так благодетельно соединение Англии и России для обеих стран, и теперь, когда рухнули старые предрассудки, мы и они так горячо потянулись друг к другу»[22].

Эмоциональную оценку сближения дал К.И. Чуковский: «Англия по-прежнему для русского сердца – священная и обетованная земля, нынешнее наше содружество с нею есть для нас, предзнаменование счастья»[23]

Во-вторых, идея общности. Ф. Сологуб отмечал близость духа английского и русского народов. «Преодолевать пространства, расточать энергию, - вот свойства, в наибольшей чистоте удержанные от времени былых кочеваний только русскими и англичанами»[24]. «Знаменательно то, что эти два государства строят основы своего могущества на землях и племенах религиозного Востока, а не материалистического Запада»[25].

Вяч. Иванов общность стран он видел в том, что только две европейские державы - Россия и Англия одновременно являются державами азиатскими. Для обеих Азия – естественная цель и арена всего будущего исторического действия[26].

---

[19] Там же. С. 269.
[20] Там же. С. 269.
[21] Сологуб Ф.К. Мировая громада // Биржевые ведомости. 1915. 28 января.
[22] Толстой А.Н. Собр. соч. Т. 6: В Англии. На Кавказе. По Волыни и Галиции. 2-е изд. М., 1916. С. 69.
[23] Чуковский К.И. Англия накануне победы. СПб., 1917. С. 128.
[24] Сологуб Ф.К. Мировая громада // Биржевые ведомости. 1915. 28 января.
[25] Там же.
[26] Иванов Вяч. Россия, Англия и Азия // Родное и Вселенское. М.: Издательство «Республика», 1994. С. 377.

В-третьих, идея конструирования «идеального типа». Данная идея выражалась в идеализации англичан и активно использовалась в публицистике писателями, посещавшими Англию.

Одним из самых активных англофилов был К. Чуковский, член Общества английского флага. В 1915 г. Корней Иванович опубликовал книгу «Заговорили молчавшие: Томми Аткинс на войне», написанную на основе английских солдатских писем с фронта. Показательно, что книга была рекомендована для учебных заведений и российских солдат.

К. Чуковский уже в предисловии к книге отмечал: «Мы, русские интеллигенты, до всяких официальных трактовок давно уже в союзе с англичанами: английская литература, поэзия, живопись, не говоря уже о гениальной английской гражданственности, чаруют нас магнетически с юности»[27]. Свою задачу он видел в привлечении к английскому народу симпатии широких обывательских кругов.

К. Чуковский, используя письма солдат, пытался показать простых англичан, представляя коллективное лицо Томми Аткинса, британского рядового Иванова, через описание черт английского национального характера. Он обращал внимание на следующие качества: «склонность к самонаблюдению и самоанализу»[28], благородство английских солдат, каждый из которых чувствует себя «рыцарем, защитником слабых и сирых, отмстителем за невинно-поруганных»[29], «культ справедливости»[30], «мужество, геройство, отвага обладают в глазах англичан особой эстетической прелестью»[31], «спортивная меткость и ловкость, бравурный, мажорный, лихой, самонадеянный дух, взлелеянный многовековыми традициями»[32], оптимизм[33] и др. Фактически Корней Чуковский представил на суд российского читателя образ английского солдата, близкого к идеалу.

---

[27] Чуковский К. Заговорили молчавшие: Томми Аткинс на войне. Пг., 1916. С. 3.
[28] Там же. С. 16.
[29] Там же. С. 32.
[30] Там же. С. 40.
[31] Там же. С. 43.
[32] Там же. С. 56.

В 1916 г. по инициативе британской стороны состоялся официальный визит шести российских писателей и журналистов в Англию (В.Д. Набокова, В.И. Немировича – Данченко, А.Н. Толстого, Е. Егорова, А. Башмакова, К.И. Чуковского). Целью английского правительства, по мнению А.Н. Толстого было посещение Англии и английского фронта, «чтобы мы увидели своими глазами, какую работу развила Англия за полтора года, как сражаются англичане, и какую силу готовятся противопоставить германцам в недалеком будущем»[34].

В задачу гостей входило «отметить» поддержку Британией своего бывшего врага. Они были приглашены на прием короля Георга V, встречались с представителями деловых и художественных кругов, посещали военные секретные объекты, встречались с солдатами, ездили на фронт.

К.И. Чуковский в своих очерках «Англия накануне победы» подробно описал свое путешествие. В отличие от первой книги («Заговорили молчавшие»), теперь он показал не отдельного человека, а целый народ, который в едином порыве встал на защиту своей родины: и дети, и женщины, и жители британских колоний (австралийцы, ирландцы и др.).

Чуковский особо отметил рост интереса к Англии в России. «Жажда обангличаниться страшная! Не хватает ни учителей, ни учебников. Гостинодворцы щеголяют в ватерпруфах и цедят сквозь зубы «ол-райт». Картежники играют лишь в вист, барышни читают лишь Вильяма Локка, курильщики курят лишь navy Cut»[35]. Большую роль в удовлетворении этого интереса сыграло Англо-Русское Бюро, в помещении которого выдавались справки, проводились беседы и встречи с русскими писателями и со всеми желающими, предлагались английские книги и периодика.

А.Н. Толстой опубликовал в газете «Русские ведомости» с 1 марта по 4 мая 1916 г. одиннадцать писем - очерков, в которых поделился своими впечатлениями об английском обществе, армии, флоте, правительстве,

---

[33] Там же. С. 122.
[34] Толстой А.Н. Собр. соч. Т. 6: В Англии. На Кавказе. По Волыни и Галиции. 2-е изд. М., 1916. С. 7–8.
[35] Чуковский К.И. Англия накануне победы. СПб., 1917. С. 115.

культурной жизни и т.д. Он исходил из необходимости изменить неверные представления об англичанах и Англии в российском обществе: «В начале войны сэр Эдуард Грей, говорящий за целую нацию, казался чуть ли не сфинксом по своей загадочности. Китченер был образцом жестокого правителя, не знающим, что такое человеческая слабость. Джон Буль представлялся карикатуристам всего мира пузатым, хитро подмигивающим обжорой. И все это оказалось неверно и как раз наоборот»[36]. «Также ошибочно думают у нас об английской армии: англичане будто бы сами, не переходя в наступление, играют в футбол на фронте, едят пудинги и предоставляют союзникам драться до последней капли крови»[37].

Основной акцент А.Н. Толстой сделал на организации общества во время войны, характеризуя ее расчетливостью, практичностью, образцовым порядком, хозяйственностью. А.Н. Толстого интересовала и психология англичан. Характеризуя английских солдат, он указывал на следующие качества: простодушие, открытость, непреклонность, решимость[38], порядочность, традиционализм[39].

Идеализация образа Англии и англичан характерна для произведения Б. Савинкова «Во Франции во время войны. Август 1914 – июнь 1915 гг.». Первая мировая война застала его во Франции, где он получил удостоверение военного корреспондента и провел первый год войны на фронте под Парижем[40]. Несмотря на то, что Б. Савинков писал, в первую очередь, о Франции, он уделил большое внимание Англии и англичанам, используя интересный прием - взгляд на Англию из Франции, сравнение англичан с французами. Его интересовала не политика официального Лондона, а фронтовая жизнь английских солдат и офицеров, которые были ему симпатичны как внешне, так и по менталитету и поведению.

---

[36]Толстой А.Н. Собр. соч. Т. 6: В Англии. На Кавказе. По Волыни и Галиции. 2-е изд. М., 1916. С. 47.
[37] Там же. С. 49.
[38] Там же. С. 17.
[39] Там же. С. 67.
[40] Савинков Б. Во Франции во время войны. Август 1914 – июнь 1915 гг. / Б. Савинков; вступит. ст. и коммент. Я.В. Мельничука; Гос. Публ. Ист. Б-ка России. М., 2008. С. 348.

Б. Савинков представил образ идеального солдата и офицера: «Очень просты и чисты английские войска. Они одеты теплее французов. Их консервы лучше французского «singe». Их офицеры менее заметны, их солдаты моложе, их лошади крепче. Они всегда смеются. Курят и улыбаются во весь рот…»[41]. Внешность английских солдат характеризуется эпитетами: молодые, широкоплечие, румяные, рослые, скромно одетые, вымытые, выбритые, чистые[42].

Аккуратность и опрятность автор связывал с понятием джентльмена. «В лесу, в шестистах ярдах от неприятеля, англичанин так же тщательно делает свой туалет, как если бы он находился в Лондоне или в Париже»[43]. Но опрятностью не исчерпывалось понятие о джентльменстве. Джентльмен занимается спортом, и спорт приучает его быть выносливым, смелым, находчивым и, главное, скромным. Он молчалив, и без крайней нужды, не говорит о себе. Важной характеристикой джентльмена является мужество, которое вытекает не из гнева, не из религиозного фанатизма и даже не из патриотического подъема. «Мужество – закон его жизни. Джентльмен владеет собой, как бы ни была смертельной опасность. Он воплощает в себе и силу, и любовь к справедливости, и отвращение к обману. Основа джентльменства - триста лет пуританского воспитания и семь веков гражданской свободы»[44]. Из особенностей национального характера Савинков отмечал также чувство долга, оптимизм, хладнокровие, верность традициям, свободолюбие.

Представленный Б. Савинковым образ английского солдата близок к аналогичному образу К. Чуковского и А. Толстого. Это образ идеального солдата, достойного уважения и подражания.

Рассмотрев свидетельства представителей художественной интеллигенции об Англии и англичанах в годы Первой мировой войны,

---

[41] Там же. С. 52.
[42] Там же. С. 104, 106.
[43] Там же. С. 133.
[44] Там же. С. 332.

можно увидеть трансформацию образа «Чужой» в «Свой». Базовыми идеями трансформации стали прагматизм, общность и построение «идеального типа». Война помогла ярче высветить положительные качества: мужество, патриотизм, верность долгу и традициям, порядочность, хозяйственность и практичность, свободолюбие. Общие условия военного времени позволяли лучше понять англичан, представить их близкими по духу русскому человеку. Такое восприятие англичанина на бытовом уровне способствовало и изменению стереотипов в отношении Англии, восприятию ее как надежного союзника.

В целом, процесс трансформации образов стран в годы Первой мировой войны в сознании художественной интеллигенции характеризовался противоречивостью, неоднозначностью, изменчивостью, многослойностью, внутренним конфликтом между личным и общественным, патриотическим и космополитичным. Особенность деятелей литературы и искусства рассматривать образы стран через призму диалога культур помогала им в трансформации образа «Чужой» в «Свой» и затрудняла «Другой» во «Враг». Во многом, процесс трансформации был внешне навязанным (условиями войны, политическим заказом властей) и сложно коррелировал с внутренними представлениями. Для соотнесения внутреннего восприятия с внешне диктуемым использовались различные стратегии: идеализация/ демонизация образа, акцент на положительных/ отрицательных чертах национального характера, разведение «культуры» и «политики» и др. Процесс трансформации образа стран в сознании художественной интеллигенции был индивидуальным, и его успех зависел в большей степени от субъективных факторов.

Станков Кирилл Николаевич[45]

"Война Аугсбургской лиги в отражении писем и дневников Патрика Гордона"

Предлагаемый доклад посвящен неизученной проблеме отражения в дневниках и письмах Патрика Гордона крупнейшего военного конфликта конца XVII в. – Войны Аугсбургской лиги 1688-1696 гг., охватившей всю Западную, Северную и Южную Европу. Детальное знакомство с источником показывает глубокую осведомленность генерала П. Гордона о событиях этой войны. Как британец автор заметок и писем сосредотачивает свое основное внимание на событиях в Англии, Шотландии и Ирландии, но также уделяет внимание и другим театрам военных действия. Примечательно, что Патрик Гордон описывает не только сухопутные сражения, но и внимательно следит за кампаниями на море.

Определенное влияние на восприятие событий накладывают личные политические убеждения исследуемого автор. Учитывая, что Гордон являлся сторонник низложенного в ходе «Славной революции» 1688-1689 гг. британского монарха Якова II, ставшего союзником Франции, не удивительно, что симпатии автора – на стороне Людовика XIV и якобитов. Шотландский генерал на русской службе глубоко сожалел, что ему не удалось остаться в свое время в Шотландии и принять личное участие в военной кампании в Англии в 1688 г. Это отложило определенный отпечаток на восприятие диаристом Войны Аугсбургской лиги, но в целом он стремится быть беспристрастным и более или менее объективно отражать ход военной кампании.

Установлены основные каналы и источники сведений П. Гордона о рассматриваемом конфликте. В его дневнике и письмах нашли свое отражение не только сугубо военные предприятия, но и события

[45] К. и. н., старший преподаватель кафедры всеобщей истории исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). e-mail: stankov11@yandex.ru.

политической жизни Европы этого времени. В частности, Патрик Гордон считал, что важнейшей составляющей этой войны стала «Славная революция» в Англии, успех которой, по мнению автора, предопределил ее исход.

Будаева Лина Андреевна[46]

Роль советского посла А.М. Коллонтай в укреплении культурных связей между Швецией и СССР в годы Второй мировой войны.

Среди советских дипломатов, твердо и последовательно отстаивавших интересы нашей страны накануне и во время Второй мировой войны, была первая в мире женщина-дипломат, Александра Михайловна Коллонтай, возглавлявшая с 1930 по 1945 гг. посольство СССР в Швеции.

Одной из задач, стоявших перед советским посольством в Швеции в годы Второй мировой войны, было идеологическое противостояние немецко - фашистской пропаганде и создание правдивого образа нашей страны в мире. Отсутствие достоверной информации о состоянии советско-германского фронта, о количестве погибших советских солдат и др. позволяло фашистской Германии создавать в мировом общественном мнении образ непобедимой державы. Именно поэтому советский посол СССР А.М. Коллонтай и все сотрудники посольства активно работали над развенчанием установок фашисткой пропаганды и усилением культурного взаимодействия между Швецией и Советским Союзом с целью реализации своих контрпропагандистских задач различными способами. Среди которых были - организация мероприятий по показу кинофильмов и военной хроники тех лет, фотовыставок советской военной повседневности, музыкальных концертов, издание на шведском языке художественных произведений

---

[46] Соискатель аспирантуры МГУ имени М. В. Ломоносова.

советских писателей и др. Все это позволяло создавать у шведского общества более достоверный образ нашей страны - страны, сражающейся с фашизмом.

Большое внимание сотрудники советского посольства в Швеции уделяли и работе по укреплению культурных и научных связей между двумя странами по линии созданного еще в 1935 г. по инициативе А.М. Коллонтай Шведско-советское общества, которое объединяло и регулярно проводило дружеские встречи писателей, учёных, артистов, художников, журналистов, видных общественных деятелей, представителей интеллигенции Швеции и СССР. Значение имели и проводимые лично А.М. Коллонтай постоянные беседы с шведскими деятелями науки и культуры.

Цель доклада - рассмотреть на основе дневниковых записей и личной переписки А.М. Коллонтай и воспоминаний современников тех лет роль советского посла в усилении культурного взаимодействия между Швецией и СССР в годы Второй мировой войны.

Пользуясь случаем, автор выражает благодарность кандидату исторических наук, доценту Ольге Николаевне Барковой за помощь в подготовке тезисов доклада.

Куц Анастасия Валерьевна[47]

Проблема адаптации русской идентичности в США в 1928 – 1957 гг. через модную индустрию как феномен, воздействующий на культуру. Деятельность Валентины Саниной-Шлее.

Революция 1917 г. в России и начавшаяся гражданская война, стимулируя миграционные процессы, активно способствовали распространению русской культуры за рубежом. Наряду с Францией,

---

[47] Бакалавр МГУ имени М. В. Ломоносова.

Германией и Англией, США являются наиболее ярким примером локализации эмигранток, деятельность которых порождала интерес к русскому искусству первой половины XX в., кустарному ремеслу и традициям. Индустрия моды, несомненно, внесла значительный вклад в усиление этих тенденций. Самобытные, роскошные образы, в которые облачались некоторые представительницы русской аристократии за границей, не могли не оказать влияние на богемное общество Европы и Америки. Перенимая традиционные элементы в одежде и поведении, самые блистательные представительницы американской киноиндустрии и творческой интеллигенции в 20 - 30 годы XX века желали приобщиться к русской культуре. Если в Европе русские эмигрантки были достаточно активно задействованы в индустрии моды благодаря своей высокой образованности в сфере искусства и тонкому чувству вкуса, которое во многом стало для них спасением в чужой стране, то в США такие случаи уникальны, однако от этого их воздействие не менее глубоко и значимо. Таким ярким примером в развитии индустрии моды США является модельер Валентина Санина, ставшая для Голливуда не просто законодателем моды, но и иконой стиля. Концепция ее Дома моды (1928 - 1957 гг.) была заключена в стремлении делать одежду не на сезон, а на век. Модели Саниной не были тенденциозны, они выражали уникальность вкуса элегантной русской аристократки, не принимающей вычурность и пестроту ряда европейских новаторов, сохраняющей достоинство и приверженность национальным традициям, которые были воспитаны в ней на родине. Именно эта стойкая позиция помогла ей занять свою нишу и адаптироваться в условиях жизни другой страны.

Доклад посвящен деятельности модельера Валентины Саниной в США , созданию ею Дома моды «Валентина» (1928 - 1928 гг.) и личному вкладу этой эмигрантки в распространение элементов русской идентичности в США в контексте взаимовлияния двух культур.

Черникова Л.П.[48]

«И не друг и не враг, а так». Взаимовосприятие китайцев и россиян в годы существования российской эмиграции в Китае (1900-1966): различия в ценностях национальной культуры.

Во взаимовосприятии народов большую роль играют накопленные историческим опытом стереотипы, то есть какие представления до контакта уже имелись у общества? В случае с Россией и Китаем, к 1898-1900 гг. каждый из объектов уже опирался на сложившиеся понятия о ближайшем соседе, тем более, что ко времени тесных контактов двух империй (более 250 лет) имелись дипломатические, торговые, межправительственные отношения, активно освещавшиеся в прессе обоих государств. Оговоримся, что строители КВЖД, торговцы, поставщики, крестьяне-продовольщики, технические службы, техническая интеллигенция и охранная стража и т.д., все те, кто возводил и строил объекты железной дороги и полосы отчуждения, до 1918 года не имели статуса эмигрантских субъектов. Этот термин, скорее, применим лишь к тем волнам беженцев, которые прибывали в Китай после революции 1917 г. и гражданской войны. Однако нельзя забывать, что российские беженцы гражданской войны и революции, - в Китае перемешивались со «старожилами»-россиянами, обосновавшимися здесь и после строительства основных объектов Дороги, и потому ко всем выходцам из России применим термин «эмигрант». Россиян в Китае привлекал достаточно вольный режим проживания для иностранцев, статус экстерриториальности, возможность избежать фискальных действий и контроля российских властей, вероятность легкого заработка, для крестьянского населения – достаточно свободного места для хлебопашества, охота и рыболовство. Северо-восток Китая был мало колонизован человеком с хозяйственной точки зрения, и потому представлял собой территорию почти не освоенной дикой природы. В период с 1918-1929 гг. сложился

---

[48] К.и.н., снс отдела Китая Института Востоковедения РАН.

термин «эмигрант», причем он применим и к «старожилам», которые изъявили желание остаться в Китае.

Тесные контакты россиян и китайцев в XX веке делятся на несколько этапов (здесь мы оставляем за рамками ранние контакты прошлого и X1X век). 1. 1898-1918 гг. – освоение Россией северо-восточной китайской Маньчжурии как зоны колонизации, хозяйственного освоения и функционирования КВЖД; 2. 1918-1929 гг. – прибытие большого числа беженцев из России и складывание советско-китайских отношений до конфликта 1929 г., их кризис. Здесь: эмигранты воспринимаются соввластью как враги, временно окопавшиеся на приграничной территории. Эмигранты также считают свое пребывание в Китае врЕменным фактором; 3. 1929-1932 гг. – от урегулирования советско-китайского конфликта, переноса советскими функционерами основных контактов на КПК, время активной деятельности Коминтерна на китайской территории. Эмигранты откладывают возвращение в Россию, строят планы на будущее, «врастают» в местные реалии. 3. 1932-1937 гг. время активной агрессии Японии, усложнение советско-китайско-японских отношений. Эмиграция для Москвы - враждебный фактор, затрудняющий свободу действий, мешающий работе совразведке и деятелям Коминтерна; эмиграция стремится урегулировать отношения с японцами, увидев центр силы; 4. 1937-1945 гг. – вторая мировая война в Китае. Ухудшение отношений между СССР-Японией-Китаем. Раскол эмиграции на оборонцев и пораженцев с перетеканием в сторону оборонцев на фоне побед Красной Армии в Европе. 5. 1945-1949 гг. – гражданская война в Китае. Распад эмиграции после войны на три части: возвращенцев-репатриантов, колеблющихся (оставались в Китае до 1966), реэмигрантов в третьи страны. Для китайцев присутствие в стране иностранцев нежелательно. Резко негативное отношение к россиянам-эмигрантам, особенно к тем, кто сотрудничал с японцами. 6. 1949-1959 гг. – период создания КНР и помощи СССР в строительстве советского Китая, с постепенным ухудшением отношений во втор. пол. 1950-х гг. Эмиграция

выдавливается из страны как китайскими коммунистами, так и с помощью неумелой политики сов.чиновников; 7. 1959-1966 гг. – период резкого ухудшения советско-китайских отношений, отзыва советских специалистов из КНР, террор по отношению к эмигрантам. Гибель тех, кто не смог выехать из Китая. Конец российской эмиграции в Китае.

На фоне перечисленных семи периодов, отношения россиян и китайцев испытывали волны интереса, любопытства, изучения, восхищения, разочарования, неприятия, непонимания. Лишь немногие из россиян и китайцев изучали языки друг друга, единицы понимали многопластность китайской культуры. В большинстве случаев россияне не вникали в реалии местной жизни, слишком были заняты борьбой за выживание, были носителями традиционной русской культуры, стремясь в основах и ценностях этой культуры найти опору для своего существования. Здесь немалую роль сыграли представители русского духовенства, священники, которые несли бремя беженства в инокультурном и инодуховном Китае. Китайцы же также были заняты своими проблемами: борьба за отмену экстерриториальности, внутренняя гражданская война, разобщенность, неясность целей, бедность, перенаселенность, низкая бытовая культура, влияние западной цивилизации, индустриальная революция, начало изучения западной культуры и языков.

Интересно рассмотреть советско-китайские отношения с точки зрения эволюции взглядов интернационализма, отрицания расизма и пролетарского братства трудящихся на китайских реалиях, отход от данной доктрины и вновь возвращение к ней в период советско-китайской дружбы начала 1950-х годов. Нельзя забывать, что в Китае рядом с эмигрантской проживала большая советская колония, причем не было «заборов и границ», а в силу особенностей китайского быта и правил выходцы из России-СССР проживали смешанно, дети ходили в одни школы, играли во дворах, занимались на одних спортивных площадках, ходили в одни и те же кинотеатры, посещали одни и те же культурные мероприятия, посещали одни

и те же церкви… Китайская культура и цивилизация были фоном в жизни россиян в Китае, в то же время пронизывая собой каждую веху существования иностранцев в этой экзотической стране. Если бы не полуколониальное положение Китая в Х1Х веке, с навязанной системой экстерриториальности (т.е. ограниченным суверенитетом), как знать, могли бы выжить эмигранты в Китае.

Китайцы на протяжении всего существования имели свои представления об «Иных», «Чужих», «Других»: прежде всего, это недоверие к иноверцам, иноплеменникам, презрение к представителям других цивилизаций, самодостаточность этой цивилизации. Здесь хотелось бы подчеркнуть: китайцы цивилизационно не принимали чужаков, россияне не понимали китайской КУЛЬТУРЫ. Налицо культурно-цивилизационные отличия (древность-современность), помноженные на природно-климатические отличия, языковой барьер, жилищно-бытовые особенности, пищевые индивидуальности. Нельзя забывать и высокую планку требований россиян к условиям существования в ХХ веке, врЕменное существование в Китае (никто не собирался жить здесь вечно) и т.д. и т.п.

Что же касается профессиональных востоковедов, или даже тех, кто из практики почерпнул сведения о китайской цивилизации и культуре, - то они обнаружили в Китае те горизонты, те вещи, о существовании которых они не знали до близкого знакомства с этой восточной страной. «Время стирает в пыль даже камни», но над устойчивыми стереотипами оно не властно: россияне, находясь в Китае, так и не утратили мифа о счастливой стране, где нет горя и зла, в которой они когда-то жили, и в эмигрантах все жила затаенная мечта об «утраченном Рае, куда хочется вернуться». Что же касается репатриантов 1940-1950-х годов (вернувшихся в СССР), в их памяти Китай оставался «утраченным Раем», где человек жил наиболее полной жизнью, в окружении благожелательного и не очень понятного китайского народа. Именно поэтому многие воспоминания, мемуары и статьи репатриантов пронизаны острой ностальгией по вынужденно покинутому

райскому уголку, и после распада СССР часть репатриантов сумела съездить на свою «китайскую родину», а большинство сорганизовалось и создало объединения «харбинцев», «шанхайцев», «тяньцзинцев» и т.д., а также открыло несколько печатных изданий (1990-2000-х годов), где публиковались статьи и воспоминания российских «китайцев».

Лохматов Алексей Максимович[49],

Образ Советского Союза в публичном пространстве послевоенной Польши 1945 – 1948 гг.

После освобождения от нацистской оккупации польское государство не вернулось к полноценной мирной жизни. Та часть польского общества, которая видела в приходе Красной армии не освобождение, а новую оккупацию продолжала сопротивление формирующейся новой системе государственной власти в Подполье. В условиях продолжавшегося идеологического, пропагандистского и вооруженного противостояния, образ Советского Союза занимал в концепциях обоих сторон центральные позиции. Для одних «Восточный сосед» представал главной угрозой польскому суверенитету, другие видели в нем гарант проведения социальных преобразований или, по крайней мере, были убеждены в необходимости демонстративной лояльности Советской России в борьбе за государственный суверенитет.

При этом публичное пространство вместе с привилегией строительства государственных институций на освобождаемых территориях находились в руках одной из сторон этого противостояния. Те политические и социальные группы, которые решились принимать активное и публичное участие в процессе создания «Новой Польши», проходящего под флагом Польского комитета национального освобождения, не могли избежать манифестации на

[49] Магистрант факультета гуманитарных наук, Школы исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» lokhmam@mail.ru, amlokhmatov@edu.hse.ru.

страницах своих печатных изданий отношения к Советскому Союзу. Так, конструирование образа СССР, на наш взгляд, становилось для участвующих в публичной дискуссии одновременно и декларацией собственной лояльности, и аргументацией выбранной стратегии, обращенной как к продолжавшему сопротивление подполью, так и к эмигрировавшим или оставшимся в эмиграции полякам.

В докладе будет представлена попытка проанализировать созданный в ходе публичной дискуссии образ Советского Союза и выделить основные смысловые блоки его аргументирующего применения различными социальными и политическими группами, стремящимися к участию в публичном пространстве Польши в первые послевоенные годы.

Филина Юлия Сергеевна[50]

Состав «русской колонии» на Капри: революционеры, философы, авантюристы в 1900-1910-е гг.

Первое десятилетие XX в. в российской истории можно охарактеризовать расцветом идеологических течений в среде интеллигенции. Более того, наступил тот момент, когда интеллигенция вступила на путь не только приумножения теоретического материала, масштабного его распространения с претензией на смену мирового порядка. Имели место и разнообразные конфликты как идеологического, так и бытового порядка. Царская власть не могла позволить существовать такому идеологическому разнообразию, тем более после событий 1905 г., многие представители социал-демократического, социал-революционного движения были вынуждены покинуть Россию. Одним из излюбленных ими мест стал о. Капри, в том числе из-за присутствия М. Горького. В Италии российская интеллигенция знакомилась с местной культурой, узнавала интересные

---

[50] РГГУ.

обычаи, взаимодействовала с местными жителями и итальянскими социалистами[51]. Пребывание подобных «туристов» отнюдь не обрадовало итальянские власти: «Приток политической эмиграции из России вызвал тревогу итальянских властей, и за вновь прибывшими был установлен полицейский надзор. Донесения префектов Генуи, Неаполя, Милана о русской эмиграции посылались в министерство внутренних дел в Риме. Особенно усилилась слежка за русскими летом-осенью 1909 г. в связи с тем, что в октябре 1909 г. в Италию должен был приехать Николай II для встречи с королем Виктором-Эмануилом II»[52].

На острове собралось огромное количество русских, это были представители разных взглядов, профессий и партий. А.А. Золотарев[53], один из членов этой «колонии», вспоминал, что «партийные пристрастия так разделяли, например, социал-демократов и эсеров, что они селились в разных местах и предпочитали не встречаться»[54]. Результатами его творческой работы на острове стали произведения о каприйском периоде жизни и творчества М. Горького и двенадцать «Каприйских новелл». А.К. Лозина-Лозинский, поэт и публицист[55], также жил на Капри несколько лет. Эта поездка оставила большой след на его творчестве, к сожалению, так и не успевшем развернуться. В отличие от многих соотечественников находившихся на Капри и связанных с искусством, А.К. Лозина-Лозинский не стремился войти в круг общения М. Горького, его мало занимали

---

51 «“Да здравствует Горький, да здравствует Россия, да здравствует социализм!” – такими плакатами и надписями мелом и углем от руки были испещрены стены домов, витрины и ставни магазинов. Это неаполитанские и каприйские социалисты и анархисты устраивали овацию тому, кого считали борцом за справедливое дело рабочего класса, за социальную революцию, за мировой пролетариат» – так описывает приезд М. Горького на Капри Н.А. Прахов. См.: ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 58. Л.6об.–7об.

52 Комолова Н.П. Русская эмиграция в Италии в начале XX века // Россия и Италия. XX век., вып. 3. М., 1998. С. 283.

53 Алексей Алексеевич Золотарев (1879 – 1950) – литературный критик, публицист, краевед, общественный деятель, религиозный философ.

54 Ревякина И.А. Русский Капри (1906-1914) // Россия и Италия, вып. 5. М., 2003. С. 25.

55 Алексей Константинович Лозина-Лозинский (1886 –1916) – поэт, публицист, переводчик. Дважды совершал попытки самоубийства. В 1909 г. выстрелил себе в грудь после неудавшейся студенческой забастовки. В 1914 г. в ресторане «Рекорд» в кругу литераторов он выстрелил в себя. В третий же раз спасти поэта не удалось: он принял морфий и, раскрыв книгу Поля Верлена, до последней минуты вёл записи о своих ощущениях.

идеологические споры и партийные разногласия. Очерки о повседневной жизни и интересных персонах оставил Н.А. Прахов. Например, он вспоминает историю воровки Нины Реннер, которая выдавала себя за сестру милосердия[56].

В данном докладе представлены события, истории, воспоминания этих людей за время пребывания на Капри, то, как они воспринимали действительность, какую вели деятельность, что их тревожило, что радовало. Судьбы этих людей, такие разные, были связаны о. Капри, Италией, атмосферой, которая там царила.

Козленкова Анна Сергеевна[57]

Быт и нравы Великобритании 1930-1940-х гг. глазами советского посла И.М. Майского: к вопросу о взаимовосприятии культур в годы Второй мировой войны 1939-1945 гг.

После вступления Великобритании во Вторую мировую войну 3 сентября 1939 г. довольно сильно изменилась повседневная жизнь практически всех слоев населения этой страны. С началом активных боевых действий в Европе, британские острова подверглись блокаде со стороны нацистской Германии, а многие английские города - воздушным бомбардировкам. Невольным очевидцем данных событий стал Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Великобритании И.М. Майский (1932-1943) [1, с. 190-195], чьи воспоминания о почти 11-летнем пребывании на туманном Альбионе нашли отражение на страницах его воспоминаний «Дневник дипломата» (М., 2006, 2009), изданных в двух книгах. Мемуары Майского освещают период с 1934 по 1943 гг. и содержат довольно яркие страницы, описывающие каждодневную работу советского

---

[56] ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 18. Л. 1.

[57] Научный стажер, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова . Тел: +7 (917) 594-72-75 . e-mail: kozlenkova.as@yandex.ru

посла – его «дипломатическую кухню» и повседневную жизнь Великобритании - ее традиции и культуру.

Особый интерес представляют его записи [2, с. 118-122] периода с 1939 г. до 1943 г. - военного времени, которое довольно сильно отличалось и резко контрастировало с жизненным укладом СССР этого же времени. И.М. Майский писал о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться жителям Великобритании: разрушениями от бомбардировок, сокращением импорта продовольствия и изменения нормы потребления продуктов питания [3, с. 66-73], военным распорядком дня, «блэк-аутами», ночёвками в бомбоубежищах и т.д. В своем дневнике посол довольно много места отводил и описанию особенностей характера и нравов своих английских коллег, знакомство с которыми позволяют нам лучше понять Великобританию – страну, которая совместно с Советским Союзом воевала против фашистской Германии. Несмотря на разницу в менталитете, привычках, образе жизни и т.д., Майский пытался найти точки соприкосновения, способствовавших взаимопониманию и взаимовосприятию английской и советской культур.

Без сомнения, представления и мнение Майского о Великобритании во многих вопросах формировались сквозь призму советско-английских отношений. Резкая критика внутренней и внешней политики СССР правящими кругами Великобритании напрямую влияли на характер записей Майского о стране его пребывания. «Как и другие источники личного происхождения, мемуары И.М. Майского отличает некоторый субъективизм, что говорит о сложности работы с данным видом исторического источника. Однако именно субъективность и авторское видение проблемы придает мемуарам И.М. Майского свой особый колорит» [4, с. 269].

Цель данного доклада – рассмотреть, как в документах личного происхождения - воспоминаниях и дневниковых записях И.М. Майского за период с 1939 по 1943 гг., и на конкретных примерах, показана повседневность военного времени, а также отражена точка зрения советского

посла на особенности национального характера и менталитета жителей Великобритании в контексте взаимовосприятия английской и советской культур в 1930-1940-е гг.

Список использованной литературы:

1. См.: Козленкова А.С. Дипломатическая деятельность И.М. Майского (Яна Ляховецкого) в Великобритании в 1941–1943 гг. // Власть. 2015. № 1. С. 190-195.
2. См. также: Козленкова А.С. Англия, ее быт и нравы 1930-1940-х гг. глазами советского посла И.М. Майского // КЛИО. Изд-во Полторак. СПб., 2016. №12 (120). С. 118-122.
3. См.: Козленкова А.С. Особенности организации системы продовольственного нормирования и питания в Лондоне в начале Второй мировой войны (1939-1945) по воспоминаниям и письмам советского посла И.М. Майского и его супруги А.А. Майской // Запахи и звуки как элемент повседневной жизни. Материалы XL Международной научной конференции. Изд-во Полторак. СПб., 2016. С. 66-73.
4. Козленкова А.С. Мемуары И.М. Майского как источник по истории советской дипломатии 20-40 гг. XX в. // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Шестой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2016» / [гл. ред. А. К. Сорокин, отв. ред. С. А. Котов]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 266-269.

Баркова Ольга Николаевна[58]

«Искусство опаленное революцией и войной в России...»: русские балерины в эмиграции. К вопросу взаимовосприятия культур. 1917 - 1939 гг.

Яркую страницу в истории сохранения национальной и культурной идентичности оставили миру представительницы музыкального, оперного, театрального и балетного искусства русской женской эмиграции 1917-1939 гг.[59] В тоже время мировое узнавание и признание русского балета датируется временами знаменитых Дягилевских сезонов начала XX, открывших западному зрителю национальные традиции России на языке танца и пластики. В 1917-1939 гг. русский балет занял уже свое, исключительные, место и в жизни российской диаспоры в эмиграции, не только заново открыв его миру, но и возродив лучшие традиции классического танца.

Уникальность русского балетного зарубежья 1917-1939 гг. состоит в том, что вследствие революции и гражданской войны, Россию покинула большая и лучшая часть танцовщиков и балетмейстеров, хореографов и балерин, артистов кордебалета и др. Можно даже говорить о неком «великом русском исходе» служителей балетного искусства в эмиграцию. Так, из получивших в 1900-1910 гг. почетный статус " балерина " шести российских танцовщиц - пять, оказались в эмиграции: Л.Н. Егорова, М.Ф. Кшесинская (единственная из них имевшая статус – прима-балерина еще со времен Императорской России), О.И. Преображенская, Ю.Н. Седова и В.А.Трефилова. В Советской России осталась лишь одна - А.Я. Ваганова.

Крупнейшими центрами рассредоточения представителей русского балетного зарубежья 1917-1939 гг. стали Германия, Франция, США и ряд

---

[58] К.и.н., МГУ имени М. В. Ломоносова.

[59] См.: Баркова О.Н. Проблема сохранения национально - культурной идентичности женщинами русского зарубежья. 1917 - 1939 гг. / От древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности. Сб. статей. СПб 2013. С. 732 - 751.

других стран. Здесь были открыты первые русские, ставшие затем известными на долгие годы в эмиграции, балетные школы и студии, воспитавшие не один десяток будующих звезд балетного искусства. Так, например, школа - студи Ольги Преображенской, или как ее звали ученики «Мадам Прео», существовала в эмиграции около сорока лет, с 1923 по 1960 - е гг. История приобщения жителей Канады к искусству балетного танца навсегда связана с именами русских артистов - Л.И. Карповой, Т.Я. Кудрявцевой и Л.И. Ширяевой, одной из основательниц классической школы танца в Квебеке и Монреале. Бронзовый бюст балерины, названной в 1978 г. «Великой Монреалкой», награжденной рядом государственных наград этой страны, стоит в созданной ею школе балетного танца. История балета Монте - Карло (Монако) долгое время была связаны с именем М.М. Безобразовой, основавшей там собственную балетную школу танца – «Школу классического танца в Монте – Карло». Балерина Вера Каралли (Коралли) в 1928 г. создала и руководила студией Литовского национального балета в Каунасе, в 1930 - 1935 гг. была назначена балетмейстером Королевского оперного театра в Бухаресте. Известная русская балерина Тамара Карсавина являлась вице - президентом английской Королевской академии танца. И таких примеров множество.

Случилось так, что русский балет в эмиграции 1917-1939 гг. стал эпицентром возникновения и быстрого распространения русской классической школы искусства танца в мире, подарив ей новое рождение. И тем не менее настоящий ренессанс балетного танца в мире начался лишь с масштабной эмиграции из России лучших представителей этого вида искусства. По всему миру стали открываться русские балетные школы и студии, во всех театрах Европы и Америки начали выступать русские танцовщики и балерины, преподавать балетмейстеры и хореографы, ретранслируя достижения и лучшие традиции русского балетного искусства. Эмигранты из России не только стали основателями новых национальных школ танца в США, Бразилии, Сербии, Аргентине и других странах, но и

восстановили и вывели из кризисного состояния балет Франции и Великобритании. И именно женщины русского балетного зарубежья 1917-1939 гг. вписали в историю этого культурного взаимовлияния и взаимовоприятия свою значимую страницу, обогатив его многократно.

Цель данного доклада - акцентировать внимание на проблеме русского женского балетного зарубежья 1917-1939 гг., его персонификсации и дискуссионном вопросе о его численности. Особый упор в докладе будет сделан на т.н. «персональной истории» - непростых судьбах русских балерин - эмигранток 1917-1939 гг.

Дмитриев Иван Евгеньевич[60]

«Русский след» в истории парфюмерной индустрии XX в. К вопросу взаимовосприятия культур.

Первая мировая война (1914-1918 гг.) кардинально изменила мировую индустрию моды первой четверти XX в. Огромные потери среди мужского населения Европы трансформировали распределение социальных ролей в обществе. Европейская женщина становится более самостоятельной, социально-активной и независимой. Ее новое положение в обществе диктует потребность в новой одежде, аксессуарах и ароматах.

В то же время интенсивное развитие химической промышленности, вызванное потребностями военной индустрии и армии, позволило парфюмерам активно использовать новые синтетические материалы и создавать из них разнообразные типы ароматов.

Результатом этих изменений стал быстрый рост парфюмерной индустрии, появление принципиально новых ароматов и молодых и

---

[60] МГУ имени М. В. Ломоносова.

талантливых парфюмеров, их создавших. Среди тех, кто внес существенный вклад в развитие парфюмерной отрасли в XX в., были и русские эмигранты, бежавшие во Францию от ужасов революции 1917 г. и последовавшей гражданской войны в России. Несмотря на тот факт, что выходцев из России занятых в парфюмерной отрасли было существенно меньше, чем русских эмигрантов, работавших в модельном бизнесе или в производстве одежды и аксессуаров, без их участия едва ли возможно представить себе историю развития парфюмерной индустрии XX в. Яркие и креативные русские парфюмеры-эмигранты Э.Э. Бо (1881-1961), К.М. Веригин (1898-1982) и Ю.Д. Гутсац (1914-2005) создавали новые ароматы и композиции для таких известных парфюмерных компаний XX в., как Chanel, Bourjois, Parfums Mury, Chiris, Roure Bertrand Fils & Justin Dupont, Estee Lauder и др. Они добились мирового признания, именно они являются создателями ряда выдающихся ароматов, многие из которых выпускаются и по сей день. Однако их имена и вклад в развитие мировой парфюмерной индустрии XX в. долгое время оставался вне поля зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей. В современной историографии данная проблематика практически не отражена.

Цель данного доклада - показать роль российских эмигрантов «первой послереволюционной волны» в развитии парфюмерной индустрии XX в., на примере Франции, в контексте социальных потрясений первой четверти XX в. и последовавшей за ними масштабной миграцией русских беженцев в страны Европы и Америки, которая породила, уникальный по своей сути, феномен взаимовосприятия культур.

Голиков Андрей Георгиевич[61],
Рыбаченок Ирина Сереевна[62]

Заклятые друзья: образ России и Соединённых Штатов в политической карикатуре на рубеже XIX-XX веков.

На рубеже XIX-XX вв. Соединённые Штаты заявили претензии на роль мировой державы. Провозгласив доктрину «открытых дверей», они активно участвуют в политике, которую проводят государства Европы за пределами Американского континента. Эти подвижки в расстановке сил на международной арене в своеобразной форме зафиксированы в сатирической графике.

Язык карикатуры символический. Со второй половины XIX в. в политической лексике как персонифицированный символ Соединённых Штатов закрепляется определение «Дядя Сэм», а в сатирической графике формируется его иконографический образ. В русских карикатурах он впервые появляется в связи с событиями испано-американской войны 1898 г. Американские художники, используя штамп, выработанный в европейской сатирической графике, изображали Россию в виде злобного медведя, либо варвара–мужика.

В докладе на материалах публикаций ведущего американского сатирического журнала «Puck» и ряда основных российских изданий, помещавших карикатуры, показано, как образы этих государств трактовались в контексте международных конфликтов на рубеже XIX-XX вв.: испано-американской войны, англо-бурской войны, боксёрского восстания в Китае, русско-японской войны.

---

[61] Д.и.н., проф. МГУ имени М. В. Ломоносова.
[62] Д.и.н., ИРИ РАН.

Черниловский Артем Александрович[63]

Образ будущей войны и образ врага в советской и в переводной фантастической литературе 1930-х годов.

В 1930-х гг., когда было очевидно, что мир скатывается к новой мировой войне, в СССР было издано большое количество художественных произведений советских и зарубежных авторов, посвященных этой надвигающейся войне. Разумеется, писатели-фантасты не ставили целью создать достоверный прогноз будущего, их произведения выполняли развлекательный и пропагандистские функции, но все же они оказали определенное воздействие на формирование прогностического образа войны и образа врага в советском общественном сознании.

Цель настоящего доклада заключается в том, чтобы охарактеризовать описание будущей войны и образ врага в некоторых советских и переводных фантастических произведениях того времени.

С середины 1930-х гг. по 23 августа 1939 г. вероятным противником СССР была Германия, было написано немало произведений и снято фильмов о будущей войне с ней.

В вышедшей в 1939 г. повести Сергея Беляева «Истребитель 2Z» Германия и Италия, начинают войну где-то в сороковых годах, осенью, внезапными бомбовыми ударами по городам стран Центральной Европы. Жертвы среди мирного населения огромны, фашисты широко используют химические бомбы.

Однако советская авиация быстро завоевывает господство в воздухе. Фронт фашистских войск рушится под ударами Красной армии, уже 5 октября война выиграна. В Берлине начинается пролетарская революция, Гитлер (в повести он называется не по имени, а «его высокопревосходительство») бежит в горы.

---

[63] Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева.

В это время получила популярность теория итальянского генерала Джулио Дуэ, полагавшего, что армия и флот утратили свое значение, исход будущей войны будет за несколько дней решен эскадрами тяжелых бомбардировщиков, перед которыми истребительная авиация и зенитная артиллерия будут бессильны. Никакое правительство не сможет удержать обезумевшее население от бегства из горящих городов в деревни и в поле. Многие произведения того времени представляют собой изложение теории Дуэ в художественной форме.

Так, в СССР в 1939 г. вышла повесть Николая Шпанова «Первый удар». В этой повести войне предшествует захват Германией португальских и французских колоний в Африке. Франция без боя отдает Мадагаскар, но затем Германия предъявляет претензии на Лотарингию, Италия – на Ниццу и Савойю. В ночь с 14-го на 15-е августа Германия начала стратегическое развертывание своих войск. Великобритания давит на Париж, требуя уступить агрессорам, но французское правительство под давлением народа решает обратиться за помощью к СССР. 16 августа СССР объявил, что не покинет демократические страны в час фашистской агрессии. 18 августа в 17.00 Германия без объявления войны нападает на СССР. Польшу Шпанов записал в союзники Германии, немцы действуют с ее территории, хотя польские войска нигде в повести не появляются.

Фашистские воздушные армады вторгаются в советское воздушное пространство, имея целью бомбардировку Минска, Смоленска и Киева (операцию против Ленинграда немцам пришлось отменить из-за неготовности морского флота), причем главные силы были сосредоточены на киевском направлении. Но расчет немецкого командования на внезапность оказался несостоятельным: советские посты воздушного наблюдения имели слуховые приборы повышенной чувствительности, поэтому они заблаговременно обнаружили противника. Немецкие бомбардировщики были встречены советскими истребителями и, понеся тяжелые потери, ретировались. В 17.34 советские штурмовики и легкие бомбардировщики

нанесли сокрушительные удары по аэродромам. В 18.20 поднялись тяжелые бомбардировщики, которые уничтожили транспортные узлы противника.

В 19.00 в воздух поднялась грандиозная советская воздушная армада: 660 скоростных дальних бомбардировщиков и 60 самолетов-разведчиков. Ее целью является Нюрнберг. Армада прорывается к цели. Бомбометание в повести ведется с точностью, невозможной даже сейчас: ни одна бомба не падает на жилые кварталы Нюрнберга, на расположенные вблизи города концлагеря, но военные заводы полностью уничтожены, разрушена гидроэлектростанция («централь фюрера»), вода хлынула на городские улицы. Восстают заключенные концлагерей, начинается рабочее восстание в самом Берлине.

Немцы пытаются сбросить в прифронтовой полосе бактериологические бомбы с дирижаблей, но дирижабли уничтожаются советскими истребителями. Одновременно советский воздушный десант захватывает в плен германского генерала – командующего ударной армией, нацеленной на Киев. Противник обращается в бегство.

Повесть Шпанова была экранизирована – в 1938 г. вышел на экраны снятый по ней фильм «Глубокий рейд». Впрочем, вместо Варшавы, Берлина и Нюрнберга в фильме фигурируют вымышленные города, революция в Германии в нем не показана.

В рассказе Л. Рихтера[64], опубликованном в журнале «Техника молодежи» летом 1939 г., фашисты без объявления войны нападают на СССР, фашистская авиация совершает налет на областной город N. недалеко от границы. Но население не проявляет ни малейшей паники, организованно уходит в укрытия, а в это время советские истребители дают уничтожают противника.

В опубликованной журналом «Вокруг света» в начале 1939 г. повести Н.В. Томана «Мимикрин доктора Ильичева»[65] Германия нападает на СССР с

---

[64] Танк смерти, с. 163 – 168.
[65] Танк смерти, с. 169 – 218.

территории Польши, у нее есть атомное оружие (правда, не атомные авиабомбы, а атомная артиллерия). За день до нападения на Советский Союз Гитлер отказывается от союзничества Польши и объявляет о присоединении ее территории к Германии. В первый день войны идущие в разведку красноармейцы спасают раненого польского офицера, который пытался уползти от фашистов.

В СССР создавались и художественные произведения, посвященные будущей войне с Японией.

В 1938 г. вышла повесть «Разгром фашистской эскадры (фантазия о будущей войне)»[66], принадлежащая перу летчика Георгия Байдукова. Япония нападает на СССР. Красная армия успешно ведет бои в Маньчжурии, идут даже партизанские бои на самих Японских островах. Японцы посылают свой боевой и десантный флот к Владивостоку. 30 огромных советских самолетов взлетают с подземного аэродрома, находят цель, несмотря на бушующий в море страшный шторм, и уничтожают почти все японские корабли. С советской стороны погибает один самолет, потому что его экипаж, имея возможность дотянуть до суши, решил таранить вражеский корабль.

Будущая война между СССР и Японией описана в романе Петра Андреевича Павленко «На востоке». Япония начинает войну внезапным нападением в ночь на 8 марта 193... года. Японская воздушная армада вторгается в воздушное пространство СССР, имея задачей уничтожить Ивановскую авиабазу и строящийся город на Нижнем Амуре. Но советские истребители успешно отразили налет, уже в 6.00 8 марта потрепанная японская авиация вернулась на свои аэродромы. Отражен и морской десант на Владивосток: советские плавающие танки расстреляли десантные шлюпки. Советская авиация нанесла удар по крупному японскому городу, превратив его в развалины, сотни японских истребителей не смогли помешать ей.

---

[66] Танк смерти, с. 136 – 148.

Одновременно развернулось приграничное сражение на земле. Японская армия, атаковавшая советские пограничные рубежи, разгромлена за считаные часы, советские танки хлынули на равнины Манчжурии. Вспыхнуло массовое народное восстание в Манчжурии, в Корее и даже в самой Японии.

По мотивам этого романа был снят фильм «На границе». В фильме советские пограничники успешно отражают попытку японцев перейти Амур, а затем начинается победоносное наступление Красной Армии. Японцы в панике разбегаются.

Таким образом, враг в советских фантастических произведениях о будущей войне предстает совершенно неготовым к войне. Фашистов шокирует огромная мощь Красной Армии – например у Шпанова пленный немецкий генерал постоянно повторяет: «В чем-то мы просчитались, в чем-то мы просчитались». Врага изнутри раздирают классовые противоречия. Трудящиеся массы Германии, Японии и других стран, заключенные фашистских концлагерей видят в Красной Армии избавительницу. В повести «Истребитель 2Z» советский летчик оказывается в итало-фашистской тюрьме на территории оккупированной Эфиопии, эфиопы не понимают русского языка, но услышав дорогое имя Сталина, даже они помогают советскому воину бежать.

В 1934 г. была издана в СССР повесть «Воздушная война 1936 года: разрушение Парижа», автором которой был германский офицер Роберт Кнаусс, писавший под псевдонимом «майор Гельдерс». Повесть писалась в 1932 г., когда никто не мог представить себе скорое создание вермахта и люфтваффе, поэтому в ней воюют Великобритания с Францией, причем Великобританию поддерживает Италия, Францию – Югославия.

Причиной войны стало то, что египетские националисты, добивавшиеся независимости Египта от Британской империи, стали ориентироваться на Францию. 6 июля 1936 г. английский верховный комиссар в Египте был убит студентами-националистами, и в тот же день в

стране высадились французские войска. Правительство Франции отвергло требование Лондона вывести их. 9 июля начинается война.

Автор дает Англии воздушный флот, состоящий из 190 гигантских бомбардировщиков. Командует этой армадой молодой генерал Бреклей. За считанные часы до начала войны Бреклей убеждает премьер-министра разрешить воздушному флоту совершить налет на Париж.

Париж пылает. Падает Эйфелева башня, загораются здания министерств, нет спасения даже в метро – 1000-килограммовые бомбы пробивают своды метрополитена. Город остался без газа, воды и электричества, разрушены все железнодорожные узлы и промышленные предприятия. Французские истребители не могут ничего сделать.

Гельдерс позволяет французам сделать то, что с XI века не удавалось никому – высадить в Англии десант. Но гигантские бомбардировщики топят французские боевые и транспортные суда. В сухопутном бою эти самые гигантские бомбардировщики с малых высот бомбят вражеские позиции и решают исход сражения.

В разрушенном Париже вспыхивает восстание под руководством коммунистов, идут уличные бои. Москва голосами своих радиостанций призывает французский пролетариат к революции. Франции и Югославии приходится подписать унизительный мир с Англией и Италией.

В 1934 г., вышел русский перевод повести японского отставного офицера Киосуке Фукунаги «Записки о будущей японско-американской войне».

Действие повести начинается 15 мая 1936 г. На рейде Шанхая командир японского миноносца без всякого повода приказывает выпустить две торпеды в стоящий на якоре американский крейсер. Американский корабль затонул, 400 человек погибли. Лейтенант Маки Эйтаро, отдавший такой приказ, приговаривается к расстрелу. Однако общественное мнение Японии на его стороне. Когда преступника привозят на казнь, солдаты расстрельной команды три раза подряд стреляют мимо. По японскому

военному обычаю оставшегося в живых после трех залпов отпускают. В США это вызывает возмущение, в Сан-Франциско толпа линчует десятерых японцев. Тогда Япония объявила войну США.

Главные силы американского флота находились в Сан-Франциско, кроме того, одна эскадра стояла у берегов Кубы в связи со вспыхнувшим в этой стране антиамериканским восстанием. Эта эскадра двинулась через Панамский канал на соединение с главными силами, но в момент прохождения канала на флагманском линкоре «Оклахома» взорвалась мина, которую заложил дезертировавший негр. Корабль затонул со всем экипажем, перекрыв канал.

Главные силы американского флота прибыли на Гавайи, а затем вышли в море. Японские адмиралы решили дать генеральное сражение. Героически сражавшиеся японские моряки одержали победу, большинство американских кораблей были уничтожены, оставшиеся сдались в плен. США признали поражение и отдали Японии Гавайские острова.

Подводя итоги, можно сказать, что военно-фантастические художественные произведения 1930-х гг. не имели ничего общего с той реальностью, в которой развернулась Вторая мировая война.

Шамин Степан Михайлович[67]

Описание варшавского триумфа польской армии 1661 г. в архиве приказа Тайных дел.

В течении 1660 г. польская армия разгромила действовавшие на территории Речи Посполитой российские войска, что помешало Москве поставить победную точку в войне с западным соседом. Описание польского триумфа, прошедшего в связи с этими событиями в 1661 г. в Варшаве было опубликовано в Merkuriusz Polski Extraordynaryiny № XXXVI от 17 июня

---

[67] К.и.н., ИРИ РАН.

1661 г. Газета попала в Москву и была переведена на русский язык для царя и, возможно, членов Боярской Думы. Особенности перевода (наличие церковнославянизмов) показывают, что для русских властей текст представляет интерес и с точки зрения истории культуры.

Фернандес Анна Павловна[68]

Восприятие испанскими политэмигрантами в СССР Великой Отечественной войны.

Доклад посвящен восприятию испанскими эмигрантами войны Советского Союза против гитлеровской Германии. На основе архивных документов, опубликованных воспоминаний сделана попытка анализа эмоционального настроя испанцев в СССР, их адаптации к советской военной повседневности. В целом, война поставила перед эмиграцией множество проблем, моральных и материальных. Прежде всего, многим испанцам было необходимо определиться, стоит ли открыто выступать на защиту Советского Союза от фашизма и вступать в ряды Красной Армии.

Разные группы эмигрантов и отдельные эмигранты решали эти проблемы по-разному. Безусловно, там были люди преклонного возраста, инвалиды, женщины, которые отправились в эвакуацию, которая сама по себе стала тяжелым испытанием, в разные регионы Советского Союза. Среди эвакуированных оказались и здоровые мужчины, в том числе – с боевым опытом, которые были не готовы по разным причинам воевать с оружием в руках и рисковать своей жизнью. Многие из них, так называемые «скептики», к этому периоду разочаровались в жизни в СССР, видели изнутри недостатки страны социализма, и, несмотря, на неприязнь к Гитлеру, которой отличалась испанская эмиграция, предпочли войну пережить и пересидеть в безопасном месте.

---

[68] Ведущий специалист Российского государственного архива фонодокументов.

Но было среди испанских эмигрантов-республиканцев и активное меньшинство, «идеалисты», готовые отправиться снова в бой с врагом. Все они надеялись на будущий реванш. Верили в то, что воюя в Советском Союзе с Гитлером, они способствуют свержению франкизма в Испании.

Что касается испанской компартии, и той части испанской эмиграции, которая составляла наиболее привилегированную ее часть, то она в годы войны сконцентрировалась на агитации и пропаганде. КПИ, по- прежнему продолжала бороться с режимом Франко, а также направила все своим усилия на задачу недопущения участия Испании во Второй мировой войне на стороне Гитлера и его союзников. При этом материальное положение верхушки испанской компартии по отношению к своим соотечественником было гораздо более благополучным.

Делается вывод, что многие испанцы связывали победу Советского Союза с шансом для Испании освободиться от франкизма, что давало им надежду вернуться на родину.

Голубев Александр Владимирович[69]

«Медведь, который ходит как мы»: Россия глазами Запада

Как известно, в критических ситуациях не только общественность, но и значительная часть политической элиты, не успевая воспринимать и осмысливать поток новой информации, начинает руководствоваться прочно и давно усвоенными стереотипами. Как показали недавние события на Кавказе, когда речь заходит о России, эти стереотипы на Западе являются большей частью негативными.

Современная Россия, с точки зрения своего внешнеполитического имиджа, как и во многих других отношениях, является преемницей не только СССР, но и Российской империи и даже Московской Руси. Если остальные постсоветские республики в 1991 г. начали формировать свой имидж "с

---

[69] К.и.н., ИРИ РАН.

чистого листа" (большинство из них никогда не были самостоятельными государствами, другие были таковыми слишком давно или слишком недолго), то Россия унаследовала все негативные внешнеполитические стереотипы, относящиеся к ее предшественникам.

Куприянов Александр Иванович[70]

Российское благородное собрание в эпоху наполеоновских войн глазами русских и иностранцев.

Великая французская революция, открывшая новую страницу мировой истории, вызвала серию региональных и континентальных войн. В историографии их часто именуют эпохой наполеоновских войн, значительно реже в них усматривают первую глобальную (мировую) войну. В данном контексте особый интерес представляет взаимовосприятие русских и иностранцев в этот насыщенный войнами и конфликтами период. Фокус исследования концентрируется на восприятии русскими и иностранцами Российского благородного собрания (до конца 1810 г. – Московского благородного собрания). Российское благородное собрание, учрежденное в 1783 г., быстро превратилось в важнейший институт социабельности российского дворянства. Поэтому там стремились побывать русские и иностранцы, посещавшие Москву.

Источниками исследования служат записки и мемуары иностранных и русских путешественников: записки Франсиско де Миранда (будущий герой войны испанских колоний Южной Америки за независимость), француза А. Фортиа де Пиль, а также Ф.Ф. Вигеля, И.А.Второва и С.П. Жихарева. Их дневники, записки и мемуары охватывают период с 1787 по 1805 г.

---

[70] Д.и.н., ИРИ РАН.

Курицын Сергей Владимирович

Ментально-психологические установки русского солдата-крестьянина, санкционирующие возможность фронтового братания

Братание на Русском фронте в 1917 г. стало одним из самых массовых видов антивоенных выступлений. Наибольшее распространение оно получило в пехотных частях, кавалерия и артиллерийские части практически не были замечены в подобного рода нарушениях воинской дисциплины. Для того, чтобы понять, почему среди солдат пехоты братание стало столь популярным, следует, на наш взгляд, обратиться не только к рассмотрению социально-политического положения, сложившегося в армии после Февральской революции, но и к тем особенностям ментальности русского солдата – крестьянина, которые санкционировали возможность братания с противником в период войны, а значит выражали и определённое отношение к врагу.

Анализ данного вопроса следует, на наш взгляд начать с того, что русская армия, представлявшая срез российского общества начала XX века, перед началом войны на 84 – 88 % состояла из крестьян, являвшихся носителями ментальности традиционного общества. Реалии индустриальной эпохи и войны нового типа были для них во многом чужды, непривычны. Какие же представления, имевшиеся в крестьянском сознании, побуждали солдата считать возможным братание с теми, с кем на момент 1917 г. третий год шла война? На наш взгляд следует рассмотреть три группы подобных ментально-психологических (ментальных) установок: традиционная религиозность; общинные традиции; древние нормы и правила разрешения конфликтов, уходящие корнями «в дохристианскую древность славянства».

Прежде чем перейти к рассмотрению каждой из названных групп в отдельности, следует отметить, что в сознании человека традиционного общества (к таковым в значительной степени относились и русские крестьяне) данные мировоззренческие установки существуют нерасчленённо, дополняя друг друга, даже если при детальном их анализе они могут оказаться взаимоисключающими.

Сдвижков Олег Владимирович[71],

Образы Европы и европейцев в военных дневниках Владимира Гельфанда и их интерпретация в современных западных массмедиа

Тема массовых "бесчинств" советских военнослужащих на территории Германии в 1945 г. сохраняет популярность в западных СМИ. Недостаток фактического материала, часто вынуждает их авторов полностью искажать содержание источников, как это делается с Дневником советского офицера В. Гельфанда автором BBC.

Голубинский Алексей Алексеевич[72],

Межгосударственные отношения и поставки наукоемкого оборудования в XVIII в.

В историографии принято рассматривать положительные аспекты международного научного сотрудничества, производственной кооперации. В то же время гораздо меньше внимания уделяется отрицательным примерам в той же области – те явления, которые подпадают под определение торговой войны, нацеленные на массовые объекты импорта-экспорта, с целью доставить максимальные экономические потери государству-противнику. Известные примеры такого рода политики – континентальная блокада времен наполеоновских войн, ограничения на поставку в СССР продуктов высокотехнологичного производства и другое.

Целью данного доклада будет попытка выяснить, насколько в период межгосударственных конфликтов или в периоды охлаждений отношений между странами торговые ограничения распространялись на наукоемкие продукты.

На материале XVIII в. – в частности, на материале, связанном с приездом подготовленных научных кадров и поставками геодезического

---

[71] Аспирант Московского педагогического государственного университета.
[72] ИРИ РАН, м.н.с; РГАДА, ведущий сотрудник.

оборудования мы попытаемся показать, насколько поставки наукоемкого оборудования и технологий соответствовали отношениям, свойственным понятию торговая война, или же отличались некоторыми иными принципами. Замечено известное сходство между закупками предметов искусства и культуры, например, картин, статуй, с закупками сложного технологичного оборудования – привлечение высокопоставленных дипломатических чиновников для осуществления закупки, оперативное облегчение таможенных тарифов, персональные отношения с поставщиками.

Жукова Лекха Вильевна[73]

Русско-японская война в рисованных «военных» открытках общины св. Евгений

К «военным» открыткам исследователь Молчанова Д.С. относит открытые письма, выходившие в период определенной войны и имеющие к ней непосредственное тематическое отношение.

Тематическую классификацию «военных открыток» дает А.Е. Родионова. Она выделяет плакаты-призывы, зовущие к бою; «талисманы» с изображениями святых; хроники военных событий (батальные зарисовки, портреты и подвиги героев); благотворительные (мобилизация армии, сбор денежных средств на нужды войны, помощь раненым, детям-сиротам). Молчанова Д.С. предлагает другую тематическую классификацию: виды местностей; карты театра военных действий; аллегории; боевые эпизоды; персоналии; оснащение армии; мобилизация и передвижение войск; армейские будни; санитарная и гуманитарная помощь; сатира; армия противника; военные песни и стихи.

В нашем случае интерес представляют конкретно открытки, издававшиеся общиной Св. Евгении. В 1896 г. это издательство приступило к

---

[73] К.и.н., доц. Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

выпуску иллюстрированных открыток. С 1903 года Община начала сотрудничать с членами объединения «Мир искусства», возглавил деятельность издательства А.Н. Бенуа. За время русско-японской войны издательство выпустило более 200 открыток, тематически связанных с войной, из которых свыше 70 – рисованные.

Часть открыток были исполнены собственно «мирискусниками» и художниками, близкими им по духу (Е. Лансере, Н. Рерих).

Значительно более реалистичны открытки, тиражировавшие произведения художников, побывавших на войне (В. Верещагин, Н. Самокиш).

Некоторое количество открыток, изданных во время войны, исполнены непрофессиональными художниками (Л. Спицин, В. Матасов).

Анализ подходов к тематике и образов этих открыток позволяет сделать довольно интересные наблюдения относительно интерпретации образа врага в зависимости не только от творческих подходов художников, но и от степени удаленности от места событий. В этом отношении, например, «враждебный пейзаж» Е. Лансере вполне сближается с отражением Н. Самокиша.

Еще более интересным представляется тематическое предпочтение самих художников при выстраивании композиции. Например, Н. Самокиш в определенный момент и вовсе отказывается от пейзажа, а в некоторых случаях – и от реализма изображения.

Литвиненко Владимир Аркадьевич[74]

Специфика восприятия врага на поле боя и в массовом сознании воюющих сторон (на примере Второй мировой войны)

В докладе на примере Второй мировой войны рассматриваются особенности восприятия противника под влиянием личного опыта

---

[74] Канд. филос. н., доцент кафедры истории Московского педагогического государственного университета.

взаимодействия с ним непосредственными участниками боевых действий, а также стереотипы образа врага в массовом сознании населения воюющих сторон, сформированные методами пропаганды как в предвоенный период, так и в ходе самой войны.

Сенявская Елена Спартаковна[75]

«Шакал на службе тигра»: образ Венгрии как противника в сознании советских граждан в годы Великой Отечественной войны

Во Второй мировой войне у Германии было немало союзников-сателлитов разных национальностей, участвовавших в боевых действиях против СССР, и на них естественно переносились основные негативные характеристики противника в целом, хотя и в ослабленной, по сравнению с главным врагом – Германией, форме. Но на тех участках фронта, где приходилось иметь дело непосредственно с союзниками Германии, негативных моментов в отношении к ним было больше, чем в других местах. Безусловно, при общем отношении к гитлеровским союзникам как второстепенным и «второсортным» врагам, образ каждой из стран и их армий имел свою специфику. Данный доклад посвящён эволюции образа Венгрии как военного противника в сознании советских граждан на разных этапах Великой Отечественной войны.

Пахалюк Константин Александрович[76]

Теоретические модели конструирования "образа врага" в современных военно-политических конфликтах

Проблема формирования образа врага неотделима от критического лингвистического анализа, а именно интуиции, что все наши понимания опосредованы языком, т.е. дискурсом, языком в рамках социального

---

[75] Д.и.н., проф., ведущий научный сотрудник ИРИ РАН.
[76] Российское военно-историческое общество.

контекста, имеющий одновременно коммуникативное, семиотическое и когнитивное измерения. В этом плане сама проблема образа лишена смысла, если не эксплицировать теоретические модели, стоящие за этим понятием.

Зеленина Людмила Владимировна[77]

Следы османского владычества в сербском языке: взгляд со стороны

– «Суайн» – саксонское слово. А вот как ты назовешь
свинью, когда она зарезана, ободрана, и рассечена на части, и
повешена за ноги, как изменник?
– Порк, – отвечал свинопас.
– А «порк», кажется, нормано-французское слово.
Значит, пока свинья жива и за ней смотрит саксонский раб, то
зовут ее по-саксонски; но она становится
норманном и ее называют "порк", как только она
попадает в господский замок и является на пир знатных особ.
А что я тебе скажу еще. Вот, например, старый наш олдермен
бык: покуда его пасут рабы, он носит свою саксонскую кличку
«окс», когда же он оказывается перед знатным господином,
чтобы тот его отведал, бык становится пылким и любезным
французским рыцарем Беф. Таким же образом и теленок –
«каф» – делается мосье де Во: пока за ним нужно
присматривать – он сакс, но когда он нужен для наслаждения –
ему дают норманнское имя.

Вальтер Скотт, «Айвенго». Глава 1.

Вальтер Скотт, со своим чутьем писателя, точно уловил языковую грань, которая разделяет два мира – захватчиков и захваченных. Время действия романа «Айвенго» – сто с небольшим лет после битвы при Гастингсе и покорения Англии норманнами. Правда, как показал исторический процесс, у норманнов и саксов оказалось больше общего, чем различного, и слияние двух народов тому свидетельством. И одним из факторов, способствующих этому слиянию, стала общая церковь – и

---

[77] Институт востоковедения РАН

норманны, и саксы были католиками. А как повлияет на язык захваченного народа тот факт, что у него с захватчиками нет никаких точек соприкосновения? И даже долгое, почти шестисотлетнее владычество не привело к слиянию. Но оставило, разумеется, свой след в языке. Причём весьма специфический.

Я говорю о Сербии и сербском языке. Формально Сербия была частью Османского государства с 1389 по 1878 год. 589 лет под властью государства с чуждой системой управления, чуждым языком, чуждой религией. Трудно найти в истории более долгий и глубокий в сути своей конфликт. Разумеется, такое сравнительно тесное соприкосновение двух миров не могло не оставить свой след в языке. Кстати, я намеренно говорю о сербском языке, хотя официальное название его – сербско-хорватский. Все же между этими двумя языками есть различия и в словарном запасе, и в грамматике, и даже в употреблении различных алфавитов: кириллица (дополненная) в сербском языке и латиница – в хорватском.

Конечно, в хорватском языке есть свои заимствования-преимущественно из немецкого и итальянского языков, что можно объяснить историческими особенностями развития региона. Но меня интересует именно сербский язык.

В качестве примера я выбрала названия растений. Сербия под властью Османской империи отличалась одной особенностью: между городом и селом почти не было свободного товарного обмена. Точнее, он существовал на минимальном уровне. Это объясняется тем, что сельское население Сербии (точнее, Белградского пашалыка) занималось в основном свиноводством, и города, где главным образом и сосредоточивалось мусульманское население, не нуждались в <u>такой</u> сельскохозяйственной продукции. Поэтому всё это время поддерживались активные торговые контакты с сербскими же землями, входившими в состав владений Габсбургов – Священной Римской империи, а позже Австрии.

В связи с такими обстоятельствами можно предположить, что названия растений в меньшей степени ощутили на себе влияние турецкого языка. Однако всё обстоит не так просто. Названия сельскохозяйственных культур и обычных растений, привычных для Балкан, имеют, как правило, названия славянского происхождения. А садовые цветы именуются по-турецки.

Роза – ђуљ, т.е. по-турецки gül (кстати, по-хорватски – ruža)

Гиацинт – зумбул

Тюльпан – лала (по-хорватски tulipa)

Сирень – јоргован (по-хорватски ljiljak)

Гвоздика – карамфил (любопытное совпадение с русским языком: пряность гвоздика называется карамфилић)

То же можно сказать о некоторых плодовых и овощных растениях.

Персик – шептелија (по-хорватски breskva).

Арбуз – бостан (по-хорватски lubenica)

Табак – дуван.

Таких названий можно найти много. Мы видим, что те растения, которые можно воспринять не как часть повседневной, обыденной жизни, а как некое «украшательство», в Сербии утратили (или изначально не обрели) свое, «родное» имя, а получили название на языке тех, кто мог себе позволить ими любоваться.

К тому времени, когда страна обрела свободу и независимость, эти названия уже слишком глубоко укоренились, чтобы их менять. И теперь они воспринимаются как нечто своё.

Филиппова Татьяна Александровна[78]

"Дева Революции" - 1917-1918.

Образ России глазами отечественных журналистов-сатириков

Русская журнальная сатира эпохи Великой революции, в одночасье освободившаяся от цензурных препон, – явление уникальное для истории отечественной культуры и общественной мысли. В лице своих наиболее популярных, стабильно выходивших изданий она сформировала представления о новом «лице» России в меняющемся мире. Воспрявшие от усталости военных лет старые издания («Стрекоза», «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Бич») и появившиеся на волне новых свобод журналы («Бомба», «Пугач», «Кривое зеркало» и др.) создали в то короткое, но яркое время феномен принципиально новой сатиры как способа освоения и усвоения опыта революции. Стилистика русского модерна, проникнувшая и в этот художественный жанр, позволила отечественным сатирикам создать новый, яркий язык общения с читателем. Принципиально отличаясь от настроений официальной плакатной пропаганды и правой, черносотенной прессы, менталитет создателей большинства перечисленных изданий более всего отвечал политической культуре отечественного либерализма (читай: умеренного свободомыслия), с поправкой на оттенки трактовок и перепад настроений, вполне объяснимый в условиях революционного кризиса.

И развивался это процесс в постоянно меняющихся, беспрецедентно сложных, кризисных условиях.

По мнению французского историка Франсуа Фюре, уже современники Великой французской революции «испытывали настоятельнейшую потребность в мифологизации того, что совершалось у них на глазах»[79]. Что само по себе не удивительно – особенно в случае России: у общества, обделённого опытом реального политического представительства, но при этом сугубо литературоцентричного, насквозь пропитанного философской

---

[78] Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории и Института востоковедения РАН.

[79] Фюре Ф. Постижение Французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС. 1998. С. 26.

озабоченностью «судьбами Отечества», именно язык образов становится способом политического общения. Чего стоит хотя бы устойчивая метафора «тёмные силы», означавшая в меняющемся событийном контексте между Февралём и Октябрём 1917-го принципиально разные объекты политических неприязней и фобий? Не удивительно, что осмысление и трактовка новой реальности происходила в формате нового, стремительно развивавшегося языка революции, семантика и метафорика которого создавала разные, но очень информативные для внешнего наблюдателя образы.

Странный, противоречивый, но неизбежный, как показала история, симбиоз старого и нового в образном языке и символьном ряде революции начинает аналитически осваиваться отечественными историками. Так, В.П.Булдаков на обширном материале убедительно доказывает, что революция, отторгая символы старой власти, ставит на их место новые образы, причем куда более архаичные, выстраивая на архаичнейших основаниях новую систему власти-принуждения[80]. Драматическое сочетание архаики и новизны, эмоций и рациональности, чувства ненависти и восторга, ностальгии и реванша отражавшееся в этих образах, наиболее ярко, на наш взгляд, воплощает сатирическая литература, источник, заслуживающий глубокого изучения и современной интерпретации[81].

---

[80] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН. 1997. С. 8 – 9, 350 – 352. Buldakov V.P. Mass Culture and Culture of the Masses in Russia, 1914 – 22 // Russian Culture in War and Revolution, 1914 – 22. Book 1: Popular Culture, the Arts and Institutions. Bloomington, Slavica Publishers, 2014. P. 25 – 52.

81 В ряде работ обзорного и проблемного характера тема производства образов и символов в обстоятельствах войны и революции уже привлекала внимание исследователей. Но по сравнению с другими документальными свидетельствами эпохи этот сегмент отечественного историко-культурного наследия ещё ждёт своего комплексного изучения с использованием современного методологического инструментария.

См., к примеру: Поршнева О.С. Внешний враг в сознании народных низов России в период Первой мировой войны // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Материалы международной научной конференции. СПб., 2001; Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006; Norris S. A War Time Images. Russian Popular Prints. Wartime Culture and National Identity. N.I.Univ. Press. 2006; Колоницкий Б. Метаморфозы германофобии. Германия и Россия в XX веке // Германия и Россия в XX веке. В 3-х томах. Т. 1.: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М.: АИРО-XXI, 2010. С. 97 – 114.); Kolonitskii B. Russian leaders of the Great War and Revolutionary Era in Representations and Rumors // Russian Culture in War and Revolution, 1914 – 22. Book 2: Popular Culture, Identities, Mentalities and Memory. Bloomington, Slavica Publishers, 2014. P. 27 – 54.

С самого начала революционных перемен 1917 года в метафорике отечественных сатириков появляется единый образный ряд символов новой эпохи – «*Россия-Революция-Свобода*» и «*Дева Революции*». За ним прочитывалась гордость интеллигента за свою страну, за её способность свергнуть ненавистное «*иго Романовых*». Со временем этот симбиоз смыслов, центрирующих содержание времени, развивался самым драматическим образом, фиксируя, как бы выразился Владимир Ильич Ленин, «*своеобразие текущего момента*». Эти женские (по своей визуальной природе) образы отражали самое высокое и самое низменное, самое любимое и ненавидимое, самое многообещающее и безнадёжное в переживаемой обществом эпохе. На протяжение 1917 – 1918 годов эти многозначные символы не только воплощали сатирическую трактовку происходящего, но и приобретали «автобиографические черты» его создателей, позволяя ощутить всю напряжённость их критической рефлексии. Ведь любой создаваемый художником образ – это всегда «немного о себе».

Так, в весенних номерах сатирических изданий женщина-красавица, «Россия», под знаменем с надписью «Свобода» выводит из узилища рабочего и солдата; в образе русской боярышни даёт отпор чиновникам-лихоимцам[82], античной богиней проходит маршем на фоне красных полотнищ по Петербургу[83], гордо и решительно освобождается от пут бюрократии[84]… Но пройдёт время, и сатирики с грустной досадой, а потом и с яростным гневом выразят своё разочарование в стихии революции. Уже летом 1917 года журнал «Бич» посвятит целый номер теме невесёлой эволюции российской «*Свободы*», всё более превращающейся в собственную противоположность. И если на обложке июльского номера журнала мы видим Россию, «*Деву Революции*» – прекрасный облик освобождения, навеянный образами

---

[82] Стрекоза. 1917. № 14. С.2.
[83] Бич. 1917. № 28. Обложка.
[84] Стрекоза. 1917. № 15. С. 10.

Франции, во фригийском колпаке и в русском полушубке (подпись: «*27 февраля*») (Рис. 1),

Рис. 1.

то на последней странице обнаруживаем то, во что обратилась желанная «*Дева*» – жуткого вида базарную бабу, с надписью «*Демократическая республика*» на грязном подоле (подпись: «*3 – 4 июля*») (Рис. 2)

Рис. 2.

Между этими двумя образами – этапы сокрушительного процесса эрозии интеллигентского идеала свободы и демократии. То легендарный «*боярин Михайло Скопин-Шуйский*» заводит «*Россию-инокиню*» в болото, вместо того, чтобы спасать её в очередной раз от Смуты; то у подножия статуи Свободы (реплика нью-йоркского прототипа) толпа отечественных торгашей разменивает завоевания революции на мелкую монету наживы («*Ай, свобода, ты моя свобода, // Ты везде красива, а у нас урода*»). То «*Вася*» (революционные партии) и «*Муся*» (обнаглевшая чернь), расправившись с либералами, приступают к главному делу: «*А затем* –

финал прекрасный: // Флаг по ветру плещет красный // Реквизировав усадьбу, // Вася с Мусей правят свадьбу»[85].

Ощущая углубление кризиса, сатирики теряют способность выдерживать ироническую стилистику своего жанра – слишком тяжкие испытания становились повседневным контекстом их работы. Образ родины требовал отныне других красок. Стихи в журнале «Бич», опубликованные по живым следам провала июньского наступления силами Юго-Западного фронта, отражают боль, свободную от сарказма:

«*Уму отчизна – шар земной,*
Но сердцу родина иная:
Истерзана лихой войной
Россия, мать моя больная!
Бегу на первый громкий клич:
А вдруг спасёт от лютой пасти?
И сатирический свой бич
Ломаю, с бешенством, на части»[86].

Впрочем, облик охваченной смутой страны вызывает у сатириков и другие чувства: опрощение, торжество низменной стихии, чувство вседозволенности, потеря культурного облика как последствия революционного кризиса оскорбляют патриотические чувства сатириков. С недоумением, переходящим в оторопь, пишут они о мусорном последствии «свободы» от порядка – горах подсолнечной шелухи на улицах Петербурга и Москвы. Эта бытовая привычка черни становится в глазах журналистов симптомом одичания и разрушения повседневной культуры. Если потребуется одним словом ответить на вопрос: что поделывают сейчас в России? – то можно сказать с уверенностью: «*плюют!*», - с горечью

---

[85] Бич. 1917. № 28. С. 5, 7, 8, 10.
[86] Бич. 1917. № 28. С. 7.

констатируют сатирики [87]. Плюют в том числе и на попытки новой власти наладить новую жизнь, плюют на патриотическую задачу укрепления фронта, плюют на выходки анархистов и провокации большевиков…

В итоге Россия становится жертвой крестьянских бунтов, разгула уличного бандитизма и грабежей под видом «победы социальной справедливости». Сетуют журналисты и по поводу незащищённости рядового обывателя перед лицом преступности. В этом видится закономерный итог разрушения прежних устоев, равнодушия лузгающих семечки масс и слабости новой демократической власти[88].

На фоне этой реальности облик российской свободы печально меняется. На карикатуре с подписью «*Мезальянс*» автор обыгрывает узнаваемые образы русской литературы: «*Революционная Свобода»* – полуобнажённая грустная красавица – обращается к читателям, отвернувшись от мелкого урки, крепко ухватившего за руку свою «избранницу»: «*Уж и не разберу я, добрые люди, то ли я за этим фартовым доброй волей иду, то ли мы с ним репетируем для кинематографа андреевскую “Бездну”?»*[89]... (Рис. 3)

---

[87] Пугач. 1917. № 11. С. 4, 11.
[88] Пугач. 1917. № 11. С. 8
[89] Бич. 1917. № 21. С. 13.

ПРАВДИСТАМЪ.

Мы за вами не пойдемъ
На идейное братанье
Съ грубымъ прусскимъ палачемъ,
Всюду сѣющимъ страданья.
Мы не будемъ въ часъ борьбы,
Въ часъ насилія и муки,
Жать, какъ мелкіе рабы,
Окровавленныя руки;
Между нами встанетъ тѣнь
Всѣхъ замученныхъ народовъ,
Средь которыхъ каждый день
Гибнутъ сотни юныхъ всходовъ.
Нѣтъ, правдисты, руки прочь!
Ваша жалкая доктрина,
Въ души сѣющая ночь,
Къ намъ явилась изъ Берлина.

И, надъ Русью не спросясь
Совершая злую тризну,
Вы, какъ книжники Христа,
Распинаете отчизну.

Wega.

ПРЕЛЕСТИ ПЕЧАТИ.

„Русскій Инвалидъ", № 117.

Что во время переворота въ Кронштадтѣ происходили ужасающіе по жестокости и жестокости, когда нелюбимыхъ начальниковъ повергали казни съ великими мучеміями и издѣвательствами, это еще можно было понять, объяснить, и, слѣдовательно, простить.

„Понять—простить"...

Повидимому, въ редакціи «Русскаго Инвалида» принимаетъ ближайшее участіе товарищъ Викторъ Гюго.

Compliments!

Рис. М. Ал.

Мезальянсъ.

Свобода.—Ужъ и не разберу я, добрые люди, то ли я за этимъ фартовымъ доброй волей иду, то ли мы съ нимъ репетируемъ для кинемэтографа андреевскую „Бездну".

Рис. 3.

По мере приближения осени 1917 года революционная сумятица всё больше сказывается на работе редакций, издания начинают выходить нерегулярно, повышается нервический настрой публикаций. Политическая слабость сил, пришедших к власти после Февральской революции, со всей очевидностью осознается сатириками. Октябрьские события 1917 года и приход к власти большевиков ещё более драматизирует тему «*России-Революции-Свободы*», из формулы которой окончательно исчезает третья составляющая. Авторы большинства сатирических изданий бросают гневное обвинение большевикам: как правящая партия «национальной измены» они всё более приближают страну к полуколониальному статусу.

Характерно, что именно внешняя политика большевистского руководства становится к концу 1917 года главным объектом сатирической критики. Декабрьское перемирие с Германией и её союзниками, заключённое большевистским правительством, вызывает бурную реакцию в сатирической печати. «*Дева Революции*» под пером карикатуристов превращается в распутную девку, «*нагулявшую*» от «*германца*» отвратительного «*ублюдка*». Брестский («*похабный*») мир будет заключён ещё через два месяца, но сатирики, провидя будущее, уже изобразили в новогоднем номере «Нового Сатирикона» будущий плод греховного альянса – мерзкого уродца, обладателя худших черт наследственности своих «*родителей*»[90]. (Рис. 4)

Рис. 4.

Отныне ещё одним образом поруганной «*Девы Революции*» становится истощённая до предела, оборванная и избитая женщина во фригийском колпаке. На страницах «Нового Сатирикона» она безуспешно пытается спастись бегством от заседающей за столом компании – российской социал-демократии. При этом большевик гневно обвиняет меньшевиков в том, что

---

[90] Новый Сатирикон. 1918. № 1. С. 2.

они «*вонзают нож в спину революции*», тогда как сам тем временем вонзает ей нож в живот[91]…

Равнодушие, страх, а главное – бездарность русского общества, в том числе и интеллигенции, перед лицом великого исторического испытания видится как тавро «обывателя», с его мелким социальным эгоизмом и бессилием воли перед лицом революционного экстремизма и вседозволенности новых властей. Этот мотив будет повторяться из номера в номер в течение всего последнего полугодия существования журнальной сатиры старой России.

Сатирики возмущаются: пока равнодушный обыватель надеется, что его-то беда минует, бережливый немец с удовлетворением поглядывает на фигуру России, распятой на кресте: *«Как славно! Для "Великой России" всего-то понадобилось четыре гвоздя…»*[92]. (Рис. 5)

---

[91] Новый Сатирикон. 1918. № 2. С. 12.
[92] Новый Сатирикон. 1918. №. 5. С. 6.

Рис. 5.

Этот рисунок – квинтэссенция возмущения журналистов по поводу «*брест-литовского предательства*», когда российское общество почувствовало себя в замкнутом кольце измены, воплощением которой оказалась политика как таковая – от «*предательского*» курса Романовых до «*германофильской*» тактики большевиков.

На другом рисунке «*Россия»* – нищенка в рубище и на костылях – сетует, что оказалась «*у разбитого корыта*»; «*немец*» же уточняет назначение деревянного предмета, к которому он любезно подзывает «*старушку*» – это гроб «*самой прочной немецкой работы*»[93].

---

[93] Новый Сатирикон 1918. № 5. С. 2.

Один из летних 1918 года тематических номеров Нового Сатирикона (последнего из сохранившихся к тому времени русских сатирических изданий) носит символический подзаголовок – «*О прекрасной Франции*» [94]. Между этим выпуском и тем, что был посвящён сепаратному миру с Германией, – череда событий, означавших для сатириков падение России в пропасть. Потеря территорий по периметру стремительно сжимавшейся бывшей империи, высадка англичан в Мурманске, бои союзников в Пикардии, японский десант во Владивостоке, занятие германскими войсками Крыма, гетманство Скоропадского на Украине, переход Грузии под германский протекторат, затопление кораблей Черноморского флота в Новороссийске, наступление германских войск на Марне… Но пока идут бои, и только грядёт победа англо-французской армии в Амьенской операции. Борющаяся Франция, её сопротивление последнему крупному германскому наступлению на западном фронте воспринимаются журналистами как символ нереализованной в России мечты – о свободе, демократии, патриотизме, гражданском достоинстве. Все эти доблести навсегда покинули российские пределы, за них сражаются другие – союзники, преданные властью большевиков, властью внутренней и внешней измены.

И уже не столь важно разбираться – ленинцы использовали германскую помощь для прихода к власти или это Германия использовала их для выведения России из войны. Интрига, измена, предательство оказались лишь надводной частью айсберга глубочайшего внутреннего кризиса, потопившего корабль прежней России со всеми её надеждами на очистительную силу революции. .

Все последние публикации в сатирических изданиях проникнуты финалистскими настроениями «красного апокалипсиса». Последний, прощальный образ, которым завершает свою историю сатирическая

---

[94] Новый Сатирикон. 1918. № 15.

журналистика уходящей эпохи, полон горечи и боли. Истощённая, израненная женщина-«*Россия*», прикованная к позорному столбу, с беспомощной горечью смотрит на суровую «*Францию*», в дыме сражений продолжающую свой бой – «*идущие на смерть приветствуют тебя*»[95]... (Рис. 6)

Рис. 6.

Сатирическая интерпретация образов в пространстве смыслов «*России-Революции-Свободы*», противоречия и ротация трактовок конкретных объектов журналистского интереса на страницах отечественной сатиры 1917

[95] Новый Сатирикон. 1918. № 15. С. 6.

– 1918 годов позволяют судить о глубинных мировоззренческих реакциях и идейных рефлексиях значительной части российского общества. Неоднозначность оценок, частый сбой эмоционального настроя, драматизм интерпретаций при впечатляющем единстве критической риторики – именно таким видится состояние российской сатиры, столкнувшейся с задачей интерпретации беспрецедентного революционного кризиса в истории страны. В журналистских рефлексиях звучала не только боль от несбывшихся мартовских надежд на обновление, но и осуждение стихии политического радикализма, питающейся хаосом и одновременно подпитывающей его.

Журнальная сатира стала актуальным полем осмысления внутреннего кризиса и внешних проблем, жёсткой критики старой власти, робких надежд на революционное обновление и горьких разочарований в его итогах. За стихией смеха во всех его проявлениях – от жёсткого сарказма по поводу политических противников до истерического хохота над собственными надеждами на свободу и справедливость – угадываются величайшие драмы психоистории эпохи. На финальной стадии осмысления уроков войны и революции приходит горькое понимание того факта, что в апокалиптической катастрофе 1917 – 1918 годов «германец» - лишь носителем Зла, торжествующего в России при попустительстве внутренних сил, пресловутых «двух крайностей», погубивших демократическую альтернативу трансформации России – властолюбивого самодержавия и левого радикализма. Вину за перерастание военной драмы в революционную трагедию журналисты не снимают и с себя, разделяя с наиболее ответственной частью российского общества эту горькую ответственность. Признание этого факта требовало от отечественных сатириков значительной степени гражданского мужества и профессиональной честности. В готовности критически взглянуть на самих себя, в умении увидеть в объекте критики отражение собственных слабостей, ошибок и грехов состоит

профессиональный и гражданский вклад российских журналистов-сатириков в историю общественной мысли и культуры эпохи.

Проанализированный материал свидетельствует: политическая сатира в её основных жанрах (фельетон, карикатура, анекдот, стихи) представляет собой ценный исторический источник по истории Великой российской революции, поскольку демонстрирует пример интеллектуальной и эмоциональной апроприации обществом опыта глубочайшего российского кризиса начала XX века и его влияния на ситуацию в мире. Что, в свою очередь, обеспечивает исследователя ценным инструментом для проникновения в структуры повседневности революционного времени, способные транслировать свои смыслы и уроки в иные эпохи.

Едемский Андрей Борисович[96]

От второго советско-югославского конфликта 1958 г. к новой активизации отношений: политическая культура обмена посланиями лидеров двух авторитарных режимов в начале 1960-х гг:

Тайный обмен посланиями традиционно занимает важное место в отношениях между главами суверенных государств, являясь наряду с личными встречами важным инструментом их подготовки и каналом обмена информации, а в случае конфликтных ситуаций – надежным способом выяснения и уточнения позиций и подходов, вплоть до их мельчайших оттенков. Данный обмен обычно происходит на фоне контактов лидеров с послом противоположной страны и направлением полномочных спецпредставителей для встреч с руководством противоположной стороны.

В истории советско-югославских отношений второй половины XX века известно несколько серьезных примеров интенсивной переписки, сыгравших, как стало очевидно после получения исследователями доступа к архивным

---

[96] Институт славяноведения РАН.

документам, серьезную роль во взаимоотношениях этих двух авторитарных режимов. К ним относятся: переписка весны 1948 г. [97]; на начальной, закрытой стадии советско-югославского конфликта 1948-1953 гг.[98]; переписка 1954 г., предшествовавшая переговорам в Белграде в мае-июне 1955 г.; переписка в ноябре 1956 – феврале 1957 гг. после второй советской интервенции в Венгрии; переписка на начальной стадии (апрель-май 1958 г.) второго конфликта; обмен посланиями в начале 1960-х гг. проходивший параллельно нормализации и активизации отношений в этот период. Важную роль также сыграл обмен посланиями осенью 1968 гг., а также и в последующие годы.

Обмен посланиями (как устными, так и письменными) имевший место в начале 1960-х гг., в свою очередь, подразделяется на несколько стадий, начиная с обмена письмами по поводу ситуации в мире в целом и отдельных событий (Конго, срыв саммита в Париже, германский вопрос) и конкретных внешнеполитических действий Югославии и СССР (проведения в Белграде конференции лидеров нейтральных стран и отказа СССР от моратория на ядерные испытания в сентябре 1961г.). Пиком этих коммуникаций явился обмен письмами в связи с собственно активизацией советско-югославских отношений. (весна 1962 г.). При привлечении большого объема архивных документов и иных материалов (помимо текстов посланий) в выступлении рассматривается эволюция оценок и динамика их изменения как в отношении образа оппонента (в последующем – партнера), так и позиционирования друг друга в системе международных отношений, с учетом ее эволюции (албанский и китайский факторы, флуктуаций в советско-американских отношениях). Важное место отводится раскрытию механизмов подготовки посланий советской и югославской сторонами, их общим чертам и специфике. Рассматриваются также имеющиеся

---

[97] Секретная советско-югославская переписка 1948 года // ВИ. 1992. № 4/5, 6/7, 10

[98] Первый контакт после смерти Сталина был также задуман в виде письма Берии и Маленкова А. Ранковичу, разработанный в конце июня 1953 г. и ставший одним из главных обвинений на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС, где был обоснован арест Берии.

особенностям датировки посланий, даваемой исследователями (три даты) и объяснению их причин в историографии. Делается вывод о комплексном характере коммуникаций правящих элит дух сходных режимов в рассматриваемый период, в котором указанные послания имеют определяющую роль детерминирующего эффективного воздействия на фоне активного использования иных каналов коммуникации.

Шевырев Александр Павлович[99]

Гадила ли англичанка?: Конфликты России со странами Западной Европы в XIX веке в освещении отечественных учебников по истории.

В современной политической и исторической публицистике существует устойчивый образ извечного противостояния Запада и России. Одним из ярких проявлений этой идеологемы является слоган «англичанка гадит». Этот образ отчасти восходит к концу XIX века, когда и получило распространение выражение «англичанка (француз, немец и др.) гадит». Задача моего исследования заключается в том, чтобы выяснить, насколько этот образ находил свое воплощение в учебной литературе по истории. С этой целью были изучены тексты учебников, издававшихся в нашей стране на протяжении всего XX и начала XXI века. В докладе будет представлен анализ освещения в учебниках таких сюжетов, как войны России против Наполеоновской империи, участие России в Священном союзе, противостояние России и европейских держав в Восточном вопросе, Крымская война, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., противоборство России и Англии в Средней Азии.

[99] МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет. E-mail: london7579@yandex.ru.